

Российские и советские банки в странах Среднего и Дальнего Востока, 1890–1920-е гг.: трансформация имперских традиций¹

Аннотация: Данная статья посвящена трансформации практики экономической экспансии Российской империи в деятельности зарубежных банковских учреждений СССР в странах Среднего и Дальнего Востока в 1920-е гг., связанных с Госбанком СССР и Внешторгбанком СССР.

В экспансии Российской империи в Азию участвовали специальные, имперские банки. Это были банки под контролем правительства, со значительно более свободным уставом по сравнению с частными банками, чтобы легче было адаптироваться к условиям другой страны или к запросам российского правительства.

После Октябрьской революции произошел формальный отказ от имперской политики, включая имперские практики банковского дела. В то же время в 1920-е гг. Советская Россия основывает сеть заграничных банков в Азии, во многом совпадающую с дореволюционной банковской сетью. Прослеживается явная попытка вернуть утраченные экономические позиции, однако на этот раз идея внешней экономической экспансии развивалась в рамках советской идеологии.

Работа написана по материалам архива Внешторгбанка СССР за 1920-е гг. в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ).

Ключевые слова: банки Российской империи, советские заграничные банки 1920-х гг., колониальные банки, империализм, Средний и Дальний Восток.

Введение

Данная статья посвящена трансформации практики экономической экспансии Российской империи в деятельности заграничных банковских учреждений СССР в странах Среднего и Дальнего Востока в 1920-е гг.

* Саломатина Софья Александровна – кандидат исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова).

В самом общем виде деятельность европейских банков в странах Азии являлась частью экономической экспансии крупных держав XIX – первой половины XX в., которая в свою очередь являлась частью имперской политики, при помощи которой державы навязывали неравные отношения территориям, которые рассматривали в качестве зоны своего влияния. Из обширной современной дискуссии о роли имперской политики во всемирной истории XIX–XX вв. для целей данной работы важно выделить банковскую экспансию, которая выражалась в том, что банковская система метрополии распространялась на экономически менее развитую и часто зависимую территорию, чтобы обслуживать политические и экономические интересы метрополии. Банки такого типа принято называть колониальными, если речь идет об экспансии в колонии, или имперскими, если речь идет об экспансии на формально независимые территории, хотя четкого разграничения этих терминов в научной литературе нет. Термин «имперский» пока не закрепился, но он подходит для банков такого типа в Российской империи и поэтому используется в данной работе².

Накануне Первой мировой войны Россия была одной из империй, зона интересов которой, помимо прочего, включала все государства вдоль ее азиатской границы, но прежде всего Персию и страны Дальнего Востока. Почти во всех случаях государственная политика внешней экспансии была подкреплена имперским банком, который являлся ее проводником.

После Октябрьской революции произошел формальный отказ от имперской политики, включая имперские практики банковского дела. В то же время в 1920-е гг. Советская Россия основывает сеть заграничных банков в Азии, во многом совпадающую с дореволюционной банковской сетью. Однако действительно ли новое банковское проникновение в Азию не имело преемственности с дореволюционным периодом? В какой мере практики 1920-х гг. можно соотносить с имперской политикой до революции? Что являлось основой этой практики: имперские амбиции или экономические реалии? Влияли ли местные условия на имперский банк или, наоборот, такой банк мог сам создавать условия для своей деятельности? В какой мере приход имперского банка в экономически более слабую страну мог стать проводником ее модернизации?

В центре внимания исследования находится система советских банковских учреждений в Азии в 1920-е гг., связанная с Госбанком СССР и Внешторгбанком СССР, прежде всего Русско-

Персидская банкирская контора (Русперсбанк), Монгольский торгово-промышленный банк (Монголбанк); Тувинский торгово-промышленный банк (Тувинбанк), Дальневосточный банк (Дальбанк) в Харбине.

Работа написана по материалам архива Внешторгбанка СССР за 1920-е гг. в Российском государственном архиве экономики, потому что в этом банке аккумулировалась информация о деятельности советских банковских учреждений в зарубежной Азии. В центре внимания были три типа документов – общая статистика внешней торговли СССР со странами Азии, статистика кредитных операций советских банков на этом направлении, финансовая отчетность банков и материалы, посвященные анализу азиатских рынков. Использовалась также опубликованная отчетность Внешторгбанка СССР. Для сравнения привлечены некоторые опубликованные и архивные материалы о дореволюционных банках, действовавших в Азии (Учетно-ссудный банк Персии, Русско-Китайский банк и Русско-Азиатский банк).

Изучение советской банковской системы находится пока в самой начальной стадии. Отчасти это связано с тем, что эта система рассматривается как неклассическая, в основе которой не лежит коммерческий кредит, и которая не связана с рынками капитала. С другой стороны, основные усилия в изучении советской экономической истории были сосредоточены на попытке понять, как в целом функционировала командная экономика, а финансовые вопросы пока остались в стороне.

В результате в настоящее время основным жанром советской банковской истории является юбилейное издание. В частности, в 1999 г. вышло издание, посвященное истории Внешэкономбанка, современного преемника Внешторгбанка СССР (авторы текста Ю. П. Голицын и А. Г. Саркисянц)³. Данная работа написана по архивным документам, однако советские банки в Азии являются в ней второстепенным сюжетом. В 2011 г. Н. И. Кротов опубликовал книгу к юбилею Московского народного банка, в которой есть раздел о советских заграничных банках на Дальнем Востоке в 1920-е гг., однако, видимо, жанр издания обусловил отсутствие в нем научного справочного аппарата⁴.

Первым опытом сравнительного изучения финансовой отчетности дореволюционных и советских банков, действовавших на Дальнем Востоке, является статья К. Яго, вышедшая в 2010 г.⁵, в которой банки рассматриваются не в политическом аспекте, а в

экономическом. Данное исследование находится в рамках данного подхода.

В то же время данная статья является попыткой усилить архивную компоненту в изучении советских банков эпохи нэпа, когда коммерческий кредит еще сохранялся, и богатые традиции изучения дореволюционных банков могут быть в некоторой степени задействованы для изучения темы.

Кроме введения и заключения, данная статья включает пять частей. Сначала анализируется практика банковской экспансии дореволюционной России. Далее все разделы посвящены 1920-м гг.: дается краткий очерк советской банковской системы; описывается система международных банковских операций СССР; приводятся данные о советском экспорте в Азию и импорте из Азии; анализируется деятельность Русско-Азиатского банка и советских заграничных банков в Азии в 1920-е гг. Таким образом, в работе делается попытка найти подходы к изучению не только проблемы внешней банковской экспансии, но и советской банковской системы в целом.

Банковская экспансия Российской империи, 1890–1917 гг.

В изучении российских имперских банков существует давняя традиция, основанная на исследовании архивных документов. Эти банки изучались в первую очередь в связи с имперской политикой России в Персии, Китае, Монголии. В центре внимания исследователей были прежде всего вопросы собственности и контроля над этими банками (соотношение частного и государственного, российского и иностранного влияния), детали переговоров о займах правительствам азиатских стран, о получении и эксплуатации концессий⁶. В то же время эти банки намного меньше изучены как бизнес, т. е. с экономической точки зрения. В 2012 г. вышла статья К. Яго, анализирующая коммерческие операции Русско-Китайского банка в региональном аспекте⁷. В работе Б. В. Анянчица есть разделы, посвященные экономическим условиям деятельности Учетно-ссудного банка Персии⁸. Краткий общий обзор деятельности российских банков в Китае есть в работе Ji Zhaojin⁹. В целом накопленные знания дают возможность делать обобщения о деятельности российских имперских банков и ставить но-

вые проблемы, касающиеся в первую очередь их коммерческой деятельности.

Основные факты в истории российских имперских банков. В конце XIX – начале XX в. Российская империя соперничала с Великобританией за Персию, с Японией за Маньчжурию и Корею, имела фактории в Китае, а также оформила не признанные другими государствами протектораты над северными территориями Китая – Монголией и Урянхайским краем (современная Тува). Для проведения государственной политики, как правило, создавался банк. Российские имперские банки начали учреждаться в 1890-х гг., т. е. в эпоху министра финансов С. Ю. Витте.

В Китае в 1896–1909 гг. действовал Русско-Китайский банк, с 1910 г. его функции перешли к его наследнику – Русско-Азиатскому банку (1910–1917/1926). Благодаря этим банкам российский бизнес имел стабильный выход в Китай, Японию, Индию.

Корею Россия уступила Японии еще в конце 1890-х гг., поэтому проект Русско-Корейского банка (1897–1901) фактически не удалось провести в жизнь¹⁰.

Ситуация в протекторатах – Монголии и Урянхайском крае – требовала создания современных финансовых институтов. Для этих целей в Монголии был создан Монгольский банк (1914–1918), не успевший реально развернуть свою работу из-за войны и революции в России¹¹.

В Персии в начале 1890-х гг. пытался закрепиться частный Московский международный торговый банк, входивший в группу семейства Поляковых. Отделение банка было открыто в 1892 г. и действовало не без успеха¹², но постепенно персидское направление полностью перешло в ведение государственного Учетно-ссудного банка Персии (1891–1921), который, по мнению исследователей, проигрывал в конкурентной борьбе за займы и концессии британскому Имперскому банку Персии (Шахиншахскому банку)¹³. В то же время русский экспорт и импорт в Персии превышал английский¹⁴. Таким образом, наблюдается несоответствие политических и экономических итогов экспансии на персидском направлении, заслуживающее дальнейшей разработки.

Стоит также упомянуть пока неизученное Стамбульское (Константинопольское) отделение крупного частного Русского банка для внешней торговли, которое, очевидно, обслуживало южное направление российской внешней торговли.

О результатах внешней экспансии Российской империи стоит рассуждать применительно к двум контрольным точкам: накануне Первой мировой войны и после ее окончания. Это будут две очень разные картины. К 1914 г. Россия имела определенные экономические позиции вдоль своих азиатских границ. Однако Первая мировая война решительным образом изменила положение дел. Прекратилась российская торговля с азиатскими странами. Все проекты азиатской экспансии оказались замороженными. Рубль за границей обесценился, так же как и местные валюты. Зарубежные отделения и банки оказались оторванными от России, начали терять активы, имущество, сотрудников. К окончанию войны все эти учреждения находились в кризисном состоянии, а все имперские завоевания России были потеряны.

Модель российского имперского банка. В чем была разница между российскими имперскими банками и зарубежными отделениями российских частных банков? Частный банк выходил на иностранный рынок с чисто коммерческими целями, в первую очередь для обслуживания расчетов отечественных предпринимателей с конкретным иностранным финансовым центром. Одновременно зарубежное отделение банка могло воспользоваться возможностями местного финансового рынка для получения прибыли.

Имперские банки также должны были проводить платежи между Россией и азиатскими финансовыми центрами и заниматься по мере возможностей местными коммерческими операциями. Однако, в отличие от частных банков, эти банки создавались российским правительством в первую очередь для реализации политических целей, которым были подчинены экономические задачи. Имперский банк должен был оперативно реагировать на запросы государства, поэтому его отличали две главные особенности.

Во-первых, имперские банки были в разных формах подконтрольны правительству и только Русско-Азиатский банк был полноценным частным институтом, хотя и тесно взаимодействовавшим с государством. Правления банков располагались в Петербурге, а в странах Азии их возглавляли чиновники, которые были больше дипломатами, чем финансистами.

Подчинение имперских банков государству давало возможность поручать этим банкам проекты, коммерческая выгодность которых представлялась сомнительной частному бизнесу, к которому российское государство в целом относилось с недоверием. Можно привести характерный пример на эту тему из работы

С. Г. Беляева: в 1910-е гг. Министерство финансов попыталось вернуть Русско-Азиатский банк в Монголию, где ранее понес большие убытки Русско-Китайский банк из-за неудачи русской концессии Золотопромышленного общества «Монголор» и из-за невозвратов ссуд монгольскими князьями. Русско-Азиатский банк отказался от предложения, не видя в этом коммерческой выгоды, и предпочел остаться в тех областях Китая, где бизнес уже был налажен. Модернизационными проектами в Монголии занялось российское Министерство финансов, разработало проект Монгольского банка, но не решилось передать его для реализации частному Сибирскому торговому банку, который был согласен начать бизнес в Монголии на свой страх и риск. Однако у самого правительства не хватило сил на этот проект в военный период¹⁵.

Во-вторых, имперские банки, как правило, действовали на основании существенно более свободного устава по сравнению с частными российскими банками. Для них были прописаны менее жесткие требования к ликвидности, обеспеченности и срокам выдаваемых кредитов, они имели право эмиссии собственных банкнот и чеканки местной монеты, право покупки иностранных ценных бумаг и неограниченное право покупки негосударственных ценных бумаг (т. е. бумаг неясной категории надежности), право получать платежи по податям, проводить операции, имеющие отношения к местному казначейству, право получения и эксплуатации концессий, а также право торговли за свой счет и транспортировки товаров.

Такой банк использовался правительством для экономической экспансии, т. е. являлся частью системы неравных отношений, выстраиваемых Россией с азиатскими странами, на которые она стремилась распространить свое влияние.

Важно отметить, что для сопредельных с Россией стран были характерны многовековые традиции государственности, а потому напрямую доминировать или насаждать европейские институты там было невозможно. К тому же местное население имело свой стандарт потребления и не очень нуждалось в российских товарах. Россия должна была формировать в этих странах рынок своей продукции, а при закупках местных товаров расплачиваться золотом или серебром¹⁶. Торговые отношения постепенно формировали собственную инфраструктуру, включавшую торговые представительства, склады, систему посредников, поселения торговцев.

Российское правительство вело дипломатическую борьбу за займы местным правительствам, за концессии на строительство и

эксплуатацию предприятий транспорта, связи, добывающей промышленности, за право участия в контроле над местной денежной, налоговой и таможенными системами, за завоевание местного товарного рынка. Российское правительство добивалось также других привилегий, включая выгодные для России договоры в области внешней торговли, таможенных и транспортных тарифов.

Имперский банк в первую очередь обслуживал займы местного правительства и мог выступать в виде прямого торгового посредника и управляющей структуры на концессиях и при торговой инфраструктуре. Например, на Русско-Китайский банк легли обязанности по финансированию строительства и эксплуатации Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), затем эта обязанность перешла к Русско-Азиатскому банку. Учетно-ссудный банк Персии контролировал сооружение и эксплуатацию Энзели-Тегеранской шоссейной дороги, в годы Первой мировой войны участвовал в финансировании строительства Тебризской железной дороги (1913–1916). Перечень таких проектов можно было бы продолжить.

Российские имперские банки в экономическом аспекте. Российские имперские банки изучены, главным образом, с политической точки зрения, как уже было сказано ранее, и их чисто коммерческая часть пока недооценена и нуждается в дальнейшем изучении. Попробуем в самом общем виде определить размеры этих бизнес-проектов.

Русско-Китайский и Русско-Азиатский банки регулярно публиковали отчетность, как того требовали законы Российской империи. Объем бизнеса Учетно-ссудного банка Персии труднее поддается оценке, потому что банк имел особый юридический статус и не обязан был публиковать отчетность. Архив банка в Российском государственном историческом архиве (РГИА) содержит много финансовой статистики, однако она совсем не изучена. В таблице 1 сделана первая попытка сопоставить данные по Учетно-ссудному банку Персии с другими банками. Проблема в том, что при работе со статистикой трех банков мы сталкиваемся с тремя типами сведения итогового баланса, которые, помимо прочего, отличаются принципами работы со счетом операций правления с отделениями, который помещался в баланс не остатком, как другие счета, а оборотом одновременно в актив и в пассив, т. е., с точки зрения статистики, это был двойной счет, однако этот прием являлся стандартным способом учета операций между правлением и региональными подразделениями. Эта разница отмечена в примечаниях к таблице 1.

Таблица 1

Российские имперские банки и Русско-Азиатский банк, тыс. руб.

	Дата баланса	Число отделений и агентств		Активы	
		Всего	в Азии	Всего	за рубежом
Учетно-ссудный банк Персии	01.01.1912	22	14	68 424 ¹	28 825 ⁴
Русско-Китайский банк	01.01.1906	38	15	323 717 ²	161 083 ⁵
Русско-Азиатский банк	01.01.1914	87	10	828 741 ³	149 283 ⁶

Примечания:

¹ Исключая счет правления с отделениями 36 512 тыс. руб.

² Включая счет правления с отделениями и капиталы отделений 91 966 тыс. руб.

³ Включая счет правления с отделениями 82 969 тыс. руб.

⁴ В Персии.

⁵ Париж и Азия.

⁶ Лондон, Париж и Азия.

Источники: Учетно-ссудный банк Персии, рассчитано по: РГИА. Ф. 600. Оп. 9. Д. 1230. Л. 36 об–37. Филиальная сеть на 1.07.1913: Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным. М., 1913. С. 479; Русско-Китайский банк: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1905 г. СПб., 1906. Подсчеты по филиальной сети сделаны автором при помощи сравнения сведений годовых отчетов, см: Баланс Русско-Китайского банка. 1897–1910 / сост. С. А. Саломатина. М., 2011. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/12_017.xls; Русско-Азиатский банк: Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты обязанных публичной отчетностью предприятий. 1914. № 31. С. 1727. Филиальная сеть на 1.07.1913: Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным. М., 1913. С. 474–475.

Учетно-ссудный банк Персии в 1912–1914 гг. имел максимальный размер активов за весь период своей истории до начала военной инфляции. По размерам активов он был похож на средний провинциальный акционерный банк, уступавший многофилиальным универсальным банкам Петербурга и Москвы. Его филиальная сеть была разделена между Россией и Северной Персией¹⁷. Проблема адаптации к местным условиям этого банка изучена слабо. В отличие от частных банков, ему были разрешены ломбардные операции, к которым привыкло местное население. Ведущим счетом в балансах банка был счет обмена валюты.

Русско-Китайский банк представлен в таблице максимальным балансом в своей истории на 1 января 1906 г., т. е. по итогам 1905 г. Даже если из его активов вычесть счет отделений с правлением и капиталы отделений, получится цифра баланса в 232 млн

руб., которая превосходит баланс крупнейшего российского акционерного коммерческого банка на 1 января 1906 г. – Волжско-Камского коммерческого банка (202,5 млн руб.)¹⁸.

Крупнейшей статьей дохода за 1905 г. в банке была прибыль по курсовым (валютным) операциям в иностранных отделениях: 4,45 млн руб. из 12,8 млн руб. валовой прибыли¹⁹. Банк практиковал выдачу некоторых видов ссуд, принятых у местного населения (shop loans)²⁰, выпускал собственные банкноты, как и другие банки в этом регионе. Возможности изучения адаптации банка к местным условиям имеются в архиве банка, однако они пока практически не использованы.

Русско-Китайский банк был крупным международным бизнесом в первый период своей истории, затем акцент в его деятельности постепенно начал смещаться на российские отделения в Сибири и Средней Азии²¹. В первые годы филиальная сеть банка делилась на три части: зарубежная дальневосточная с центром в Шанхае, сеть российских отделений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также Парижское отделение. Позже к ним добавилась группа отделений в Средней Азии, вдоль Транссибирской дороги, в Маньчжурии.

Еще более крупным бизнесом был Русско-Азиатский банк. Здесь неизбежно получается повествование в превосходной степени: крупнейший коммерческий банк Российской империи, обширная филиальная сеть, крупнейшая финансово-промышленная группа, включавшая мощную военно-промышленную группу. Банк изучен именно в аспекте взаимоотношений с военной промышленностью, другие направления его работы практически не разработаны²².

Сеть иностранных отделений Русско-Китайского и Русско-Азиатского банков в период расцвета включала, с некоторыми вариациями, отделения в мировых финансовых центрах: Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Гонконге, Шанхае, Бомбее, Калькутте, Иокогаме. Такой географический охват указывает на то, что эти банки пытались наладить международную платежную сеть для кредитных учреждений Российской империи²³.

Отдельной малоизученной особенностью российских имперских банков являются их торговые операции. Дело в том, что российским коммерческим банкам была запрещена торговля за свой счет, они могли только кредитовать торговлю или вести комиссионные операции. Для имперских банков, подконтрольных правительству, закладывалась возможность быть прямым торговым

посредником и, минуя частный бизнес, формировать рынок российских товаров за границей или выполнять поручения российского правительства. Статью о собственной торговле сохранил в уставе Русско-Азиатский банк.

Русско-Китайский банк вел торговлю за свой счет, для чего он развивал систему складов, а также содержал собственные баржи во Владивостоке. Однако доля товарных операций все же была незначительной (4,8 млн руб. на 1 января 1906 г.) по сравнению с основной учетно-ссудной группой кредитных операций (90,3 млн руб.)²⁴.

В истории Учетно-ссудного банка Персии есть яркий пример конкуренции государственного имперского банка с российскими частными торгово-промышленными фирмами²⁵. В 1890-е гг. российские текстильные фирмы во главе с Товариществом мануфактур «Эмиль Циндель» (Москва) постепенно начали выходить на персидский рынок. Министерство финансов всячески поощряло их в этом, но затем решило самостоятельно заняться торговыми операциями в Персии через Учетно-ссудный банк, т. е. выступить прямым конкурентом русских фирм и купцов. В первое время собственная торговля банка пошла успешно. Банк расширял собственную торговую инфраструктуру на севере Ирана²⁶.

Когда банк, располагавший большим и дешевым кредитом от правительства, занялся кредитованием персидских купцов, русские частные фирмы начали не выдерживать конкуренции и уходили с рынка, потерпев большие убытки. В связи с этим упоминаются опять же «Эмиль Циндель», а также еще одно крупное текстильное предприятие Московской губернии – Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина. Начали рваться хозяйственные связи русских и персидских купцов, налаженные в предыдущее десятилетие. В конце концов банк затоварил рынок и сам потерпел большие убытки²⁷.

Проблема конкуренции государственных и частных институтов в Персии в первой половине 1900-х гг. упоминается в работе Б. В. Ананьича²⁸, однако в данном тексте цитируется более жесткий вариант изложения этой истории, относящийся к 1924 г., т. е. уже к советскому периоду, найденный в архиве Внешторгбанка СССР. Этот интересный сюжет нуждается в верификации количественными данными.

Причины трудностей российских имперских банков. Вопрос о степени успешности азиатских банковских проектов российско-

го правительства пока открыт. В настоящее время доминирует точка зрения, что проблемы Учетно-ссудного банка Персии и Русско-Китайского банка обусловлены политическими и финансовыми трудностями, связанными с Русско-Японской войной и революционными событиями 1905–1907 гг.²⁹ Несомненно, эта позиция заслуживает внимания, потому что ресурсная база Учетно-ссудного банка Персии в значительной степени зависела от государственных средств³⁰, а часть территории деятельности Русско-Китайского банка была какое-то время зоной военных действий и банк участвовал в обслуживании военных расходов российского правительства³¹.

Однако анализ научной литературы и обзор архивов Учетно-ссудного банка Персии и Русско-Китайского банка позволяет сделать вывод, что версия о коммерческих проблемах этих банков нуждается в дальнейшей разработке. Учетно-ссудный банк после 1904 г. попытался вернуться в пределы «нормальной» банковской деятельности: учредил агентства в России и сосредоточился на комиссионной торговле с Персией, предоставляя русским фирмам льготные условия, отказавшись от торговли за свой счет. Однако низкокачественные кредиты, проблемы в адаптации к местным условиям и политические проекты при недостатке ресурсов постоянно были источниками проблем банка и в 1910-е гг.³²

Серьезной проблемой имперских банков были льготные кредиты местным элитам. На этих фактически взятках настаивало Министерство иностранных дел, объясняя их политической необходимостью, и Министерство финансов каждый раз уступало давлению, хотя и у банкиров и у дипломатов было понимание, что степень возврата этих кредитов очень низкая, а политическая выгода не так велика, как хотелось бы. Если банк был подконтролен правительству, то плохо обеспеченные ссуды, видимо, просто выдавались из средств банка. А вот ситуация с частным Русско-Азиатским банком отличалась: политические проекты, видимо, были отделены от бизнеса, и, например, ссуды монгольским князьям в 1910-е гг. выдавались через Пекинское отделение Русско-Азиатского банка из остатков по секретным расходам русской миссии, а не из собственных средств банка³³.

Русско-Китайский банк показал крупные убытки в отчете за 1907 г., т. е. по балансу на 1 января 1908 г. заявлен убыток в 7,2 млн руб., на его покрытие была списана чистая прибыль 3 млн руб., в результате остался чистый убыток в 4,2 млн руб.³⁴ Из заключения ревизионной комиссии по отчету за 1907 г. становится понятно,

что в Китае банк столкнулся с большими неплатежами, связанными как с местной экономической ситуацией, так и с просчетами в работе с местной клиентурой, но общая сумма убытка по китайским отделениям была около 2,27 млн руб., остальные долги, по всей видимости, приходится на Россию. По российским отделениям было выявлено большое количество чисто управленческих нарушений: неверная оценка кредитоспособности, выход за пределы кредитных лимитов, неблагонадежные кредиты, просроченные долги, нецелевое использование средств и проч.³⁵

Длительные и сложные переговоры о дальнейшей судьбе Русско-Китайского банка закончились в 1910 г. слиянием с Северным банком, фактически являвшимся филиалом французского банка Сосьете Женераль. Так появился Русско-Азиатский банк.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что российский имперский банк был «больше чем банк» и «банк, готовый на все». Если в пределах империи правительство стремилось ограничить банковские операции строгими правилами, то за границей оно, наоборот, стремилось всячески от этого уйти, а также возложить на имперский банк дополнительные функции для выполнения специальных поручений Министерства финансов, Министерства иностранных дел и Военного ведомства.

В зарубежной Азии российское правительство постоянно пыталось навязать политическую экспансию вперед экономической, стремилось действовать самостоятельно через государственные институты, испытывая недоверие к частной инициативе, пытаясь подменить частные структуры государственными.

Проблемы российских имперских банков во многом были обусловлены противоречием политических и экономических задач, стоящих перед ними. Займы могли быть нерыночными, концессии убыточными, однако эти проекты поддерживались по политическим соображениям. Другой проблемой банков был менеджмент: сложная задача адаптации к местным условиям возлагалась на чиновников, которые не всегда были на высоте.

Однако весь риск в деятельности имперских банков брало на себя государство, возможности которого превосходили любой частный банк. И этот факт нельзя не учитывать, рассуждая о степени успешности имперских банков.

После крушения Российской империи были утрачены и зоны ее влияния за рубежом, но возобновление внешнеэкономической деятельности Советской России было вопросом недалекого будущего. В какой мере Советская Россия повторит приемы империи, а в какой выстроит новые взаимоотношения на азиатских границах – этой проблеме посвящены следующие разделы работы.

Внешторгбанк СССР как часть советской банковской системы 1920-х гг.

В 1920-х гг. в страны Среднего и Дальнего Востока из России вернулась совершенно другая банковская система, на особенностях которой стоит кратко остановиться.

Советская банковская система начала формироваться практически сразу же после Октябрьской революции 1917 г., хотя в течение предшествующих трех лет банковская система уже была сильно трансформирована факторами военного времени, действие которых сохранялось и после революции. Однако преобразования, начавшиеся в декабре 1917 г., были действительно системными: была введена государственная монополия на банковское дело, все частные банки были национализированы и слиты с Государственным банком, были упразднены ипотечная система и рынок ценных бумаг, аннулирован государственный долг.

К началу 1920 г. банковская система России окончательно погибла, не выдержав трудностей и трансформаций мировой войны, революции, Гражданской войны и политики «военного коммунизма». Символом этого краха стало упразднение Народного банка РСФСР, который к тому моменту занимал место Государственного банка Российской империи.

Следующий период банковской истории, связанный с эпохой нэпа, берет начало в октябре 1921 г. с момента появления нового Государственного банка РСФСР³⁶. Эта банковская система 1920-х гг. была основана на принципах коммерческого кредита при практически полном отсутствии частной собственности. Границей существования нэповской системы является кредитная реформа 1930–1931 гг., которая для банковского сектора стала аналогом политики индустриализации и коллективизации, создав «неклассическую» банковскую систему, основанную на принципах, отличных от коммерческого кредита.

Нэповская банковская система заимствовала дореволюционные формы институтов краткосрочного и мелкого кредита, отказываясь при этом от ипотечных учреждений. Ее структура представлена в таблице 2. На 1 октября 1928 г. половина активов приходилась на Государственный банк СССР. Далее иерархия выстраивалась следующим образом: государственные акционерные торгово-промышленные банки, банки для финансирования кооперативных организаций и городского хозяйства, а также многочисленные сельскохозяйственные кредитные общества и общества взаимного кредита.

Таблица 2

Активы банковской системы по сводному балансу на 1 октября 1928 г.

	Млн руб.	%
Госбанк СССР	5933	49
Акционерные банки торгового и промышленного кредита	1920	16
Кооперативные банки	465	4
Система коммунальных банков	1642	14
Система сельскохозяйственного кредита	2062	17
Общества взаимного кредита	41	0,3
Всего	12 063	100

Источник: Блюм А. А. История кредитных учреждений и современное состояние кредитной системы в СССР. М., 1929. С. 208.

В число акционерных торгово-промышленных банков входили в первую очередь Торгово-промышленный банк СССР (Промбанк), Банк по электрификации СССР (Электробанк), Банк для внешней торговли СССР (Внешторгбанк).

Именно Внешторгбанк отвечал за большую часть контактов с зарубежной Азией, поэтому на истории этого банка стоит остановиться более подробно, к тому же это один из способов составить общее впечатление о банках и внешней торговле периода нэпа.

История Внешторгбанка начинается в августе 1922 г. с учреждения Российского коммерческого банка в качестве концессии «Swenska Ekonomie Aktiebolaget», возглавляемой «красным банкиром» Улофом Ашбергом (1877–1960). Основатель банка был одним из известных авантюристов раннего советского периода, банкир еврейского происхождения из Швеции, глава стокгольмского банка «Ниа Банкен» (Nya Banken). Ашберг симпатизировал социалистам, был близок к влиятельным большевиками, прини-

мал участие в крупных финансовых махинациях, помимо прочего, вывез из России коллекцию из примерно 250 икон, которая в настоящее время находится в Шведском национальном музее в Стокгольме³⁷.

В марте 1924 г. Российский коммерческий банк был преобразован в экспортный банк для Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ) под именем «Банк для внешней торговли СССР». Банк стал участником ведомственного противостояния и конкуренции, в данном случае между НКВТ и Госбанком, что было нередким в советской административной системе³⁸. В 1920-е гг. банк постепенно эволюционировал в сторону все большего подчинения Госбанку и к концу десятилетия фактически стал его отделом³⁹.

На примере Внешторгбанка можно показать особенности советских банков 1920-х гг., для чего необходимо выделить в деятельности банка «классические» и «неклассические» черты, с точки зрения банковского дела в целом.

В таблице 3а и 3б представлен баланс Внешторгбанка на 1 октября 1924 г., который демонстрирует черты классического коммерческого банка: активные операции банка основаны на учете векселей и кредитных счетах под залог товаров. В активе банка присутствуют ценные бумаги, хотя фондового рынка в стране нет. В данном случае банк держит у себя в портфеле акции и паи аффилированных с ним государственных банков и компаний. Структура пассива банка также вполне традиционна и основана на собственных средствах и депозитах.

Таблица 3а

Активы Внешторгбанка СССР на 1 октября 1924 г.

	Млн руб.	%
Кассовая наличность и собственные текущие счета	1,65	3
Ценные бумаги	1,66	3
Иностранная валюта и векселя на иностранную валюту	1,13	2
Учет векселей	23,20	36
Кредитные счета (онколь) под залог товаров	13,10	20
Счета иностранных корреспондентов (nostro)	8,61	13
Счета российских корреспондентов (nostro)	1,17	2
Счета российских корреспондентов (loro)	3,81	6
Счет правления с отделениями	6,05	9
Итого		94
Всего активов	65,25	100

Таблица 36

Пассивы Внешторгбанка СССР на 1 октября 1924 г.

	Млн руб.	%
Собственные средства	18,87	29
Депозиты (текущие счета и вклады)	19,16	29
Займы от Министерства финансов	3,06	5
Займы от Госбанка (специальный текущий счет и переучет)	8,80	13
Счета российских корреспондентов (nostro)	2,41	4
Счета российских корреспондентов (logo)	5,20	8
Счет правления с отделениями	6,45	10
Итого		98
Всего пассивов	65,25	100

Рассчитано по: Банк для внешней торговли СССР. Отчет за 1923–1924 гг. М., 1925. С. 26–27.

Внешторгбанк задумывался как банк внешней торговли, и он смог состояться в этом качестве. В 1925–1926 гг. задолженность внешнеторговых организаций Внешторгбанку составляла 85 % активов по правлению и 55–58 % активов по отделениям банка, в целом примерно 70 %⁴⁰. Среди клиентов по депозитам важную роль играли торгпредства, а 60 % всех депозитов на 1 октября 1924 г. были счета в иностранной валюте⁴¹. В то же время в 1920-е гг. все крупные советские банки, задуманные как отраслевые, в реальности отраслевыми не были. В этот период специализация банка больше зависела не от поставленных перед ним задач, а от клиентуры, которую банку удалось привлечь.

Если же говорить о «неклассических» чертах советской банковской системы, то это прежде всего доминирование государственных структур среди держателей акций и клиентуры, а также обусловленные этим взаимоотношения с другими экономическими агентами.

Например, на 1 октября 1924 г. основными акционерами банка были НКВТ (62 %) и Госбанк (32,6 %). Доступ к кредиту в банке увязывался с владением некоторым количеством акций банка, однако вопрос о том, делает ли этот факт советские банки похожими на общества взаимного кредита, остается дискуссионным, потому что большая часть акций находилась у высших экономических и банковских структур, в данном случае у НКВТ и Госбанка. К концу 1924 г. клиентура также стала почти на 90 % состоять из государственных структур.

В 1927 г. в СССР была проведена банковская реформа, целью которой было установление отраслевого принципа при формировании клиентской базы советских банков. Реформа была не вполне успешной, однако в процессе ее проведения клиентов просто «перераспределили» между ведущими советскими банками, что было бы невозможно в классической банковской системе⁴².

Особой проблемой финансовой системы СССР в 1920-е гг., значительно повлиявшей на банковскую систему, была валютная проблема. В 1922–1924 гг. в Советской России была проведена денежная реформа, в результате которой планировалось создать новый устойчивый рубль. Реформа имела много благоприятных результатов для финансов страны, в первую очередь подавление гиперинфляции, но создать рубль со стабильным курсом на внешних рынках, как в дореволюционный период, не удалось. Более того, уже в конце 1925 г. стало ясно, что удержать курс золотого рубля для внешнеэкономических расчетов не получится, после этого Россия возвращается к жесткому регулированию операций с иностранной валютой, уходящему корнями еще в мероприятия российского правительства времен Первой мировой войны. Цель этих операций заключалась в том, чтобы изымать валютную выручку всех организаций, сосредотачивать ее в Госбанке и централизованно, на самом высоком уровне политической и экономической власти, управлять распределением валюты между организациями. Все крупные российские банки, обслуживавшие внешнюю торговлю, с февраля 1926 г. становятся участниками перераспределения валюты со счетов экспортеров в Госбанк, а затем обратно импортерами по установленным квотам⁴³.

Новые валютные правила и еще ряд преобразований 1926–1927 гг. привели к тому, что в 1927 г. Внешторгбанк фактически перешел под контроль Госбанка⁴⁴.

Таким образом, банковская система эпохи новой экономической политики отличалась, во-первых, полным доминированием государственной собственности; во-вторых, банки не полностью отделены друг от друга, между ними возможно не только перераспределение ресурсов, но и клиентуры по активу; в-третьих, с 1926 г. банки были полностью подчинены в валютных операциях Госбанку. В то же время советская банковская система сохраняет принципы коммерческого кредита, и между банками идет конкуренция за клиентуру, крайне раздражающая руководство страны.

Организация международных банковских операций СССР в 1920-е гг.

Международные операции советских банков были обусловлены, во-первых, государственной монополией внешней торговли, а, во-вторых, принципами валютной централизации, о которых шла речь выше.

Экспортно-импортными операциями в СССР занимались государственные тресты, хотя встречались и концессионные предприятия, но их было незначительное число. Советский трест 1920-х гг. – это объединение предприятий одной отрасли промышленности или торговых предприятий, как правило, на основе хозрасчета. Трест возглавлялся управляющей организацией.

Банковская поддержка экспортно-импортных трестов включала двухуровневую систему кредитных учреждений: во-первых, группа советских банков внутри страны, во-вторых, группа советских банков за рубежом.

За внешнюю торговлю в 1920-е гг. отвечали внутри страны в первую очередь Госбанк, и только затем Внешторгбанк и Промбанк. В незначительной степени этими операциями занимались и другие банки, но сводная ведомственная отчетность по внешнеэкономической деятельности составлялась по этим трем банкам. Главным банком внешней торговли был Госбанк (62–70 % всех операций), затем шел Внешторгбанк (23–35 % операций). Доли трех банков по внешнеэкономической деятельности представлены в таблице 4.

Таблица 4

Распределение кредитования внешней торговли между ведущими банками, %

Банки	01.10.1925	01.10.1926	01.10.1927
Госбанк	70	65	62
Внешторгбанк	23	26	35
Промбанк	7	9	3
Всего	100	100	100

Рассчитано по: Внешэкономбанк... С. 41.

Связь между банковской системой СССР и мировыми финансами поддерживалась через советские банки за рубежом (загранбанки). Это были полноценные коммерческие банки, основанные

на местном законодательстве, однако их контрольный пакет принадлежал Госбанку или НКВТ, т. е. Внешторгбанку. Подчинение заграничных банков в 1920-е гг. могло меняться от НКВТ к Госбанку. В таблице 5 приводится список советских заграничных банков, действовавших в 1920-е гг. Кроме того, в странах Азии были отделения Внешторгбанка, Дальневосточного банка в Хабаровске (ДВБанка) и банковские отделы при торгпредствах, также отмеченные в таблице 5.

Система заграничных банков и ее функции изучены еще слабо. Эти банки появились в начале 1920-х гг., когда доверие к советской банковской системе за рубежом практически отсутствовало. Видимо, их рассчитывали использовать для прорыва кредитной блокады СССР, однако по мере дипломатического признания и налаживания экономических контактов стало понятно, что Госбанк и Внешторгбанк могут предоставить иностранным партнерам большие гарантии, в силу большего размера и близости к центру принятия решения. На заграничные банки были возложены расчетные функции, операции на международных финансовых рынках, кредитование покупателей советского экспорта, а также задачи по сбору экономической информации⁴⁵.

Распределение обязанностей по кредитованию внешней торговли между Госбанком и Внешторгбанком зависело от распределения между ними клиентов, т. е. экспортно-импортных трестов. Это распределение менялось, и в целом четкой специализации банков по видам товаров не сложилось. По данным, которые есть на сегодняшний день, можно легко объяснить, почему Госбанк преобладал в кредитовании советской внешней торговли. Его клиентами являлись крупнейшие внешнеторговые организации: Экспортхлеб, Сиблестрест, Севзаплес, Фанеротрест, Пушно-сырьевая контора Госторга РСФСР, Резинотрест, Металлоимпорт и др.⁴⁶

До размежевания 1927 г. у Внешторгбанка на первом месте был экспорт пушнины и кожсырья, банк также обслуживал Нефтеиндикат. После реформы 1927 г. Внешторгбанку достались Мясная и Кишечная конторы Госторга РСФСР, Моссельпром, Сольсиндикат, Сахаротрест, госторги союзных республик, «Русская смола» и др.⁴⁷

Оба банка активно занимались кредитованием экспорта фанеры и твердых пород леса, пушнины, льна, а также импортом резины, чая, технического оборудования, технических сукон, сельскохозяйственных машин⁴⁸.

Таблица 5

Советские банковские учреждения за границей в 1920-е гг.

	Название	Правление / отделение
Европа	Moscow Narodny Bank, Ltd	Лондон
	Arcos Banking Corporation, Ltd	Лондон
	Banque Commerciale pour L'Europe du Nord	Париж
	Garantie und Kredit Bank fuer den Osten «Garkrebo»	Берлин
	Svensk Ekonomibolaget	Стокгольм
	Nordiske Kredit Aktie Selskab «Nord-Credit»	Копенгаген
	Sokrabank	Осло
Азия	Русско-Персидская банкирская контора (Русперсбанк),	Тегеран
	Монгольский торгово-промышленный банк (Монголбанк)	Урга
	Тувинский торгово-промышленный банк (Тувинбанк)	Кызыл
	Дальневосточный банк в Харбине (Дальбанк)	Харбин
	Стамбульское отделение Внешторгбанка	Стамбул
	Отделение в Кобэ Дальневосточного банка (ДВБанк) в Хабаровске	Кобэ
	Банковские отделы при торгпредствах в Афганистане (Кабул) и Западном Китае (Урумчи, Кашгар, Кульджа, Чугучак)	

Источник: Составлено автором по разным публикациям.

Также за Внешторгбанком было закреплено большинство экспортно-импортных операций с Азией, прежде всего с Турцией и Персией, а также кредитование смешанных обществ, т. е. компаний с участием иностранного капитала⁴⁹.

Условия, в которых работали советские банки на зарубежных направлениях, претерпели за 1920-е гг. большие изменения: Советская Россия начинала как государство-изгой, однако за следующее десятилетие СССР более или менее встроился в систему международных расчетов. В начале 1920-х гг. операции с советскими клиентами велись за наличный расчет при условии получения большого задатка, затем иностранные компании начали кредитовать советский экспорт в иностранных портах под гарантии Госбанка и Внешторгбанка, а с начала 1930-х гг. расчеты по советскому экспорту полностью перемещаются в СССР и ведутся при помощи аккредитивов, оплачиваемых в Госбанке или Внешторгбанке⁵⁰.

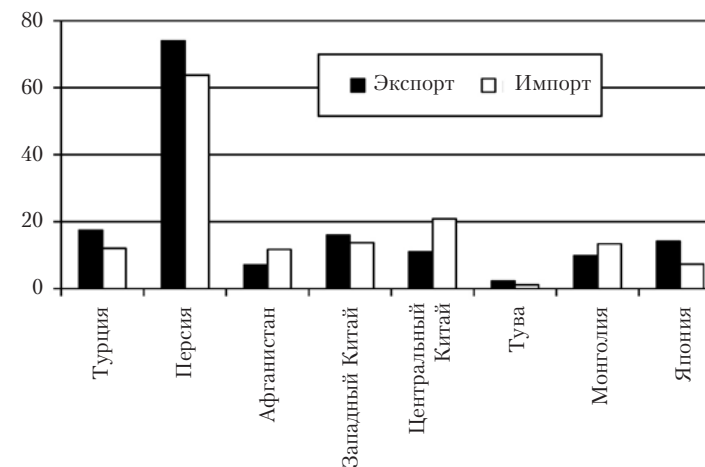
Таким образом, в 1920-е гг. Советский Союз пытался создать систему внешнеэкономической деятельности, при которой его жестко контролируемые банковские учреждения, с одной стороны, смогут стать членами мировой финансовой системы, а с

другой, внутренний денежный оборот будет надежно отделен от нестабильного мирового финансового рынка. Основой экономических контактов была торговля, под которую в первую очередь выставлялась новая система внешнеэкономических операций. Насколько эта система была успешной, свидетельствует статистика в следующем разделе работы.

Проблема восстановления российского азиатского экспорта и импорта в 1920-е гг.

Советский экспорт и импорт в соседние страны Азии в конце периода нэпа представлен на рисунке 1, для создания которого использована статистика из архива Внешторгбанка. Статистика внешней торговли составлялась в рублях и в тоннах. В данном случае использованы данные в рублевом выражении, потому что из аналитических материалов Внешторгбанка становится понятно, что приоритетом советской экономической политики был активный торговый баланс в денежном выражении. Этой цели в конце 1920-х гг. удалось добиться в торговле с Турцией, Персией, Японией, а также в Западном Китае и Туве. В торговле с Центральным Китаем, Монголией и Афганистаном преобладал импорт.

Рис. 1. Экспорт и импорт в страны Азии за 1928/29 финансовый год, млн руб.

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 77. Л. 8–11, 18, 21, 36, 38, 46, 52, 64, 66, 79, 81, 92, 94, 117, 119, 123, 124.

Рис. 2а. Структура экспорта в страны Азии за 1928/29 финансовый год, млн руб.

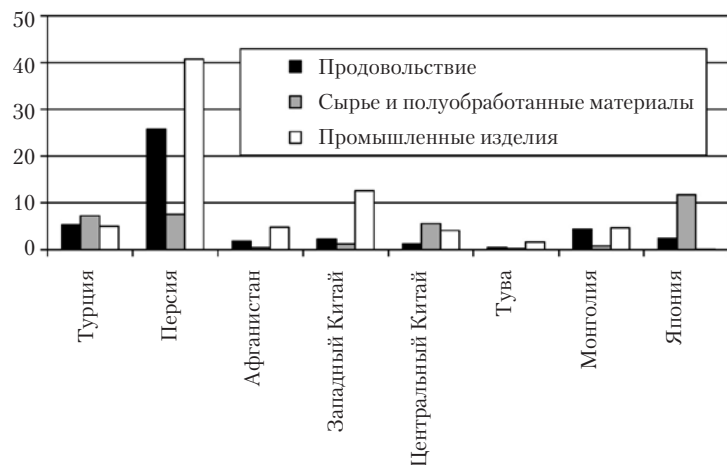
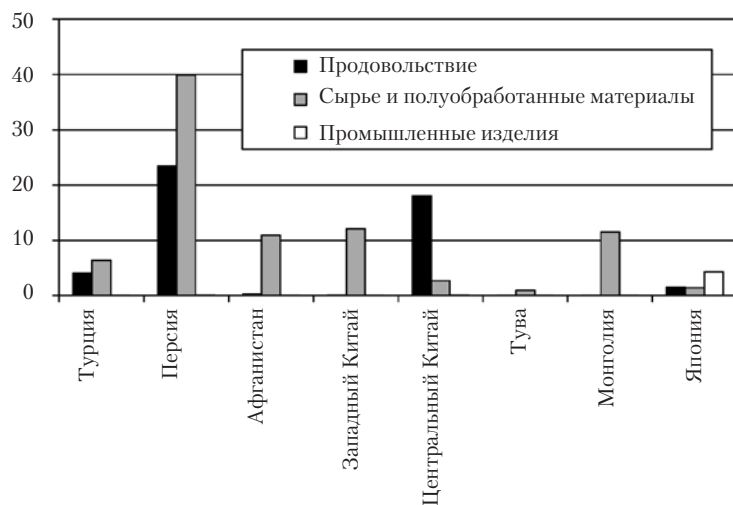

Рис. 2б. Структура импорта из стран Азии за 1928/29 финансовый год, млн руб.

Источник рисунков 2а и 2б: См. источник к рис. 1.

Статистика внешней торговли делилась на четыре категории: продовольствие (жизненные припасы), сырье и полуобработанные материалы, скот, промышленные изделия. Структура советского

экспорта и импорта в страны Азии представлена на рисунках 2а и 2б, причем данные по торговле скотом не приводятся, как несущественные. Из сравнения экспорта и импорта следует, что страны Азии были важны для советского промышленного экспорта, кроме, разумеется, Японии. Примечательно, что советско-персидская торговля занимала в 1920-е гг. доминирующее положение. Персия была главной страной продовольственного и промышленного экспорта в Азию, а также продовольственного и сырьевого импорта в СССР.

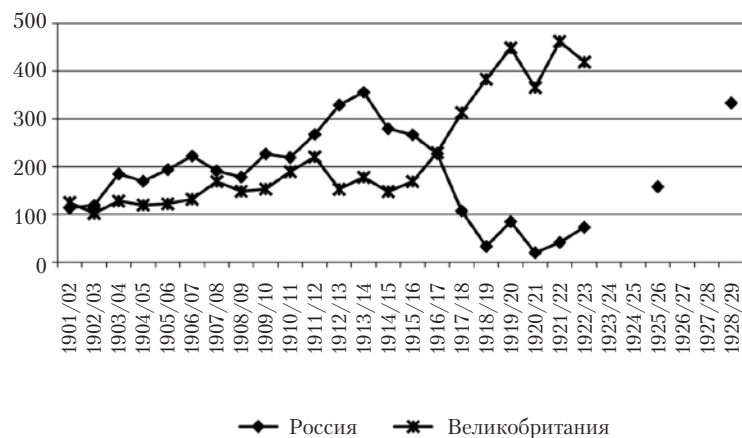
На примере торговли с Персией можно показать процессы эволюции российской внешней торговли в первой трети XX в. в целом. Поскольку процессы по экспорту и импорту были схожими в основных тенденциях, далее внимание уделено только экспорту, результаты этого анализа представлены на рисунке 3.

В архиве Внешторгбанка находится статистический отчет о внешней торговле Персии за период 1901–1923 гг. в персидских кранах. За этот период 80–90 % всего ввоза в Персию приходилось на Россию и Великобританию. К этому графику добавлены данные по экспорту из СССР в Персию за 1925/26 и 1928/29 финансовые годы, переведенные из рублей в краны по фиксированному курсу Руссперсбанка в конце 1920-х гг. Однако курсы рубля и крана во второй половине 1920-х гг. были очень нестабильны, курс черного рынка обмена рубля в Персии был на 30–35 % ниже официального. В итоге дополнительные данные на рисунке 3 могут лишь очень приблизительно показать восстановление торговли после периода войн и революций в России.

Рисунок 3 – это иллюстрация факта, что все завоевания Российской империи во внешней торговле были потеряны в период 1914–1921 гг., а на позиции России пришли ее ближайшие конкуренты. Однако примечательно, что в 1920-е гг. российская внешняя торговля начала постепенно возвращаться на прежний уровень.

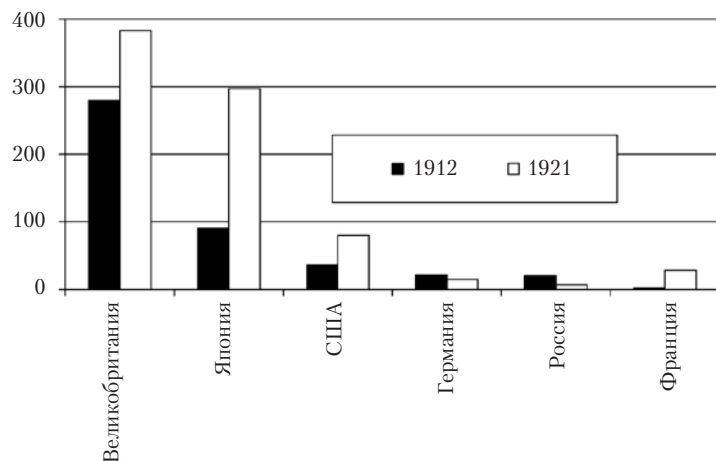
Однако таких сильных позиций, как в Персии, у России в других странах не было. Из крупных рынков, стоит отметить, что Россия проигрывала конкурентам в Китае, где доминировали Великобритания и Япония (рисунок 4). Великобритания играла важную роль в Афганистане. Рынки Монголии и Тувы были пока еще очень слабыми. Японская конкуренция в Монголии была значительно слабее, чем в Маньчжурии, и у России были шансы здесь закрепиться.

Рис. 3. Ввоз России и Великобритании в Персию за 1901–1923 гг. и дополнительные данные по ввозу СССР за 1925/26 и 1928/29 финансовые годы, млн кранов

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 9. Л. 12–14; Д. 77. Л. 8–11, 79, 81.

Рис. 4. Экспорт в Китай в 1912 и 1921 гг., в млн таможенных таэлей

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 90. Л. 18.

Российские и советские банки в странах Среднего и Дальнего Востока в 1920-е гг.

Судьба банковских учреждений Российской империи за рубежом после Октябрьской революции была, как правило, печальной. Если за период войны они постепенно дошли до плачевного финансового состояния, то после революции и банковской национализации в России зарубежные отделения оказались еще и в неопределенном юридическом положении. За имущество Российской империи за рубежом (как государственное, так и частное) началась серьезная борьба трех сил: нового советского правительства, прежних владельцев и местных властей. Исход этой борьбы зависел от стечения многих обстоятельств.

Параллельно борьбе за собственность Российской империи за рубежом Советская Россия провозгласила отказ от колониального прошлого и начала формировать новую систему банковских учреждений в Азии. Данный раздел посвящен анализу этой новой системы, а также ее отличий от системы дореволюционного периода.

Материал разделен по трем направлениям внешнеэкономической деятельности: во-первых, дальневосточное направление (Северный и Восточный Китай, Япония), во-вторых, Монголия и Тува, в-третьих, южное направление (Турция, Иран, Афганистан, Западный Китай). В центре внимания коммерческие операции ведущих советских банков на каждом направлении, а также проблема трансформации дореволюционных имперских практик в новых исторических условиях.

Дальний Восток

История российских банков в Северном и Восточном Китае, а также в Японии в 1920-е гг. – это история угасания Русско-Азиатского банка и попытка советских загранбанков занять его место.

Русско-Азиатский банк после Октябрьской революции, как и все другие частные банки, был национализирован на территории России 14 декабря 1917 г. Однако у него остались отделения за рубежом.

Председатель правления банка А. И. Путилов в конце 1917 г. бежал из России через Сибирь и Китай, в октябре 1918 г. добрался

до Парижа и возглавил Парижский комитет, т. е. остававшуюся во Франции часть управления банка⁵¹.

Под влиянием Путилова существенная часть оставшихся средств банка была инвестирована в надежде на успех белого движения. Есть сведения об инвестициях в торговые компании на Юге России в 1919–1920 гг., т. е. на территориях, контролируемых армией А. И. Деникина, а затем П. Н. Врангеля⁵². Средства от банка получало также белое движение А. В. Колчака в Сибири через правление КВЖД, в котором в тот период состояли и Путилов, и Колчак⁵³. Поражение белого движения означало еще одну после национализации значительную утрату активов банка. После этого отделения в Лондоне и Париже не могли вести полноценные операции⁵⁴.

Китайские отделения, несмотря на тяжелое финансовое положение, смогли удержаться от разорения «благодаря умелым валютным операциям гр. Бляхера, одного из директоров Шанхайской дирекции»⁵⁵. Важной опорой их деятельности оставалась территория проживания русского населения в полосе отчуждения КВЖД с центром в Харбине.

КВЖД оставалась последним крупным активом банка, причем в борьбе за контроль над дорогой банк имел поддержку французского правительства, которая рассматривалась как защита прав французских акционеров. Банк также пытались использовать для поддержки французского участия в интервенции на территории России в 1918–1919 гг., которое, впрочем, было довольно маргинальным по сравнению с другими державами⁵⁶.

К несчастью для Русско-Азиатского банка, в период Гражданской войны претензии на контроль над КВЖД в разной форме предъявило сразу несколько сил: «белое» правительство Колчака и «красное» правительство Российской Федерации, Пекинское правительство Китая и автономное Мукденское правительство во главе с маршалом Чжан Цзолинем; интервенционистские силы (американцы, японцы, англичане и др.)⁵⁷.

20 октября 1920 г. Русско-Азиатский банк смог заключить договор с Пекинским правительством, по которому подтверждались права банка на КВЖД. Однако 31 мая 1924 г. победа оказалась на стороне советской дипломатии, и дорога перешла в совместное управление СССР и Китая, причем в 1924 г. Советская Россия смогла договориться не только с Пекинским правительством, но и с Чжан Цзолинем, реально контролировавшим территории Северо-Восточного Китая. Пакет акций КВЖД, принадлежавший

Русско-Азиатскому банку, был проигнорирован, несмотря на протесты французского правительства⁵⁸.

Потеря КВЖД была еще одним серьезным ударом для банка, потому что означала фактический подрыв клиентской базы в Китае. Этот тезис необходимо пояснить, потому что экономическое значение КВЖД нельзя рассматривать в отрыве от судьбы русского населения, проживавшего в зоне отчуждения дороги. Это была территория с центром в Харбине со своей системой управления, сохранившая уклад жизни Российской империи после Октябрьской революции. К 1917 г. в Северном Китае проживало около 50 тыс. железнодорожников и их семей, а также населения, занятого в торговле и обслуживании русских поселений. После революции и особенно после поражения белого движения в Гражданской войне Харбин становится крупнейшим центром белой эмиграции, причем среди беженцев из России было много кадровых военных⁵⁹.

К 1923 г. белых русских в Китае было около 200 тыс., из которых 165 тыс. было в Харбине, 15 тыс. в Шанхае, а остальные проживали в основном в зоне отчуждения КВЖД. В это время численность русского населения была максимальной, затем бывшие российские подданные постепенно начинают уезжать в другие страны по мере ухудшения политической ситуации в регионе⁶⁰.

По соглашению 1924 г. между СССР и Китаем на дороге могли работать только советские и китайские граждане. В результате часть русских харбинцев приняла советское гражданство. В 1929–1930 гг. из 110 тыс. русских в Маньчжурии (всего в Китае около 125 тыс.) советских было 50 тыс., из которых около 37 тыс. в Харбине. В Шанхае советских граждан было не более 500, остальные – белая эмиграция⁶¹.

Политическая ситуация в Китае в 1920-е гг. была очень тяжелой. В зоне отчуждения КВЖД продолжались бесконечные конфликты между советской и китайской администрацией, белые и красные русские были совершенно непримиримы друг к другу, Япония усиливала свое присутствие в Северо-Восточном Китае, все это сопровождалось нарастающим ухудшением отношений между СССР и Китаем, особенно с 1927 г. после прихода к власти Гоминьдана, разорвавшего отношения с китайскими коммунистами, которых активно поддерживали СССР и Коминтерн.

О судьбе китайских отделений Русско-Азиатского банка в феврале 1926 г. советский Дальбанк в Харбине составил служебную записку в иностранный отдел правления Госбанка. Копия этой

записки находится в архиве Внешторгбанка. При анализе этого текста важно учитывать, что он выражает мнение прямого врага и конкурента Русско-Азиатского банка, занявшего его место в Китае. В записке указывается, что КВЖД была не только главным клиентом Русско-Азиатского банка, но и большинство остальных клиентов было, так или иначе связано с ней. «Банк ценен был для Китая своей связью с Россией и КВЖД, с потерей же этих связей банк потерял и свое значение». Клиентская база двух харбинских отделений банка оказалась подорвана, ранее прибыльные отделения (Тяньцзин, Пекин) «не оправдывают... своего существования», отделения в Западном Китае (Синьдзян) принесли большие убытки, клиентура остальных отделений «также заслуживает мало доверия». В дополнение к этому «к банку предъявлен был ряд исков со стороны иностранных граждан о расчетах за старое время», которые банк проиграл в суде, в результате «банку предстоит ряд очень крупных платежей»⁶².

Цепь событий, приведших к окончательному краху банка, пока недостаточно исследована, известно только, что банк был закрыт 26 сентября 1926 г., потерял при этом 5 млн фунтов на валютных спекуляциях в Париже, на китайских отделениях висел долг 2,69 млн юаней в серебряных долларах, из которых 1,67 приходилось на Шанхайское отделение⁶³.

Советские банки на Дальнем Востоке в 1920-е гг. пытались занять нишу Русско-Азиатского банка. В связи с этим в литературе часто мелькает аббревиатура «Дальбанк». Банк с таким названием упоминается в литературе по истории КВЖД, русской белой эмиграции, деятельности Коминтерна и советской разведки в Китае в 1920-е гг., т. е. в литературе, в которой данный банк не является объектом исследования. На самом деле в этом понятии часто смешиваются два банка: Дальневосточный банк в Хабаровске и Дальневосточный банк в Харбине. Такая ситуация во многом связана с запутанной системой подчинения банков внутри советской банковской системы в 1920-е гг.

Дальневосточный банк в Хабаровске⁶⁴, или Дальбанк в Хабаровске (варианты аббревиатуры именно для этого банка: «ДЭВЭБанк», «ДВБанк»), был основан в Чите 7 марта 1922 г. как «Банк Дальневосточной Республики», т. е. как центральный банк ДВР. Правительству республики принадлежало 55 % акций, остальные были распределены между кооперативами и органами местного самоуправления. После вхождения ДВР в состав

РСФСР с 1923 г. банк стал называться «Дальневосточный банк» и позже был переведен в Хабаровск.

Стоит обратить внимание на служебную записку о Дальбанке в Хабаровске от 26 апреля 1926 г., которую Финансово-кредитный отдел Внешторгбанка СССР подготовил для иностранного отдела правления Госбанка СССР. В записке сказано, что в первые годы работы у банка было отделение в Харбине, однако положение дел на апрель 1926 г. охарактеризовано фразой: «Будучи тесно связан с Дальбанком в Харбине и имея отделение в Кобэ (Япония), Дальбанк финансирует также и экспортно-импортные операции наших дальневосточных хозорганов, работающих в Китае»⁶⁵. Таким образом, вместо Харбинского отделения ДВБанка в Маньчжурии действовал самостоятельный банк. К слову, отделение в Кобэ занималось финансовой поддержкой поставок рыбы и морепродуктов из советского Приморья в Японию⁶⁶.

Важной частью специализации банка были операции с золотом, вот как это излагает записка: «В первые годы своей работы, до открытия филиалов Госбанка, Дальбанк, кроме обычной банковской деятельности, занят был также и регулированием денежного обращения на Дальнем Востоке, в связи с чем широко развил золотоскупочные операции и в течение 1922–23 года был в этих операциях монополистом. В настоящее время золотые операции Дальбанка сильно расширились не только количественно, но и по роду операций и на него возложена задача по финансированию Дальневосточной золотопромышленности в пределах отпущенных ему для этой цели специальных средств»⁶⁷.

Кроме золотых операций, Дальбанк в Хабаровске занимался обычными банковскими операциями, кредитую местные торговлю и промышленность. На 1 октября 1925 г. основной капитал банка составлял 5 млн руб., баланс – около 40 млн руб., учетно-ссудные операции – 11 млн руб., текущие счета, не считая вклада на золотые операции, – около 8 млн руб.; прибыль за 1925 операционный год – 945 тыс. руб., дивиденд – 12 %. В записке также отмечено, что «на Дальнем Востоке, как Советском, так и зарубежном, банк пользуется вполне заслуженной репутацией солидного кредитного учреждения и гарантии Дальбанка пользуются у иностранцев полным доверием»⁶⁸.

В июле 1930 г. Дальневосточный акционерный банк был реорганизован в Дальневосточный коммунальный банк. В мае 1939 г. банк прекратил свое существование в связи с изменением административно-территориального деления края.

Сводный баланс правления и отделений Дальбанка на 1 января 1927 г. *

	Иены	% к активу (пассиву)	Доля правления (без отделений), %
Актив			
Касса и текущие счета и ценности	4 745 401,95	11	57
Учет векселей, ссуды, товары	18 943 471,57	44	78
Корреспондентские счета	11 058 868,63	26	95
Счета отделений	3 405 800,54	8	78
Уплаченные проценты и комиссии	2 847 502,75	7	76
Остальное	1 631 835,76	4	56
Баланс	42 632 881,20	100	79
Пассив			
Капиталы	4 262 832,12	10	100
Депозиты	23 025 984,40	54	87
Корреспондентские счета	5 437 298,67	13	98
Полученные проценты, комиссии и другие доходы	3 992 119,25	9	70
Остальное	5 914 646,76	14	21
Баланс	42 632 881,20	100	79

Примечание: * Предварительный баланс до открытия Счета прибылей и убытков.

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 144. Л. 1–12.

Таблица 7

Балансы отделений Дальбанка на 1 января 1927 г.

Отделения	Сумма	Валюта баланса	Доля в сводном балансе в пересчете на иены, %
Калган	411 745,31	иена	5
Маньчжурия	973 170,77	харбинский доллар	9
Пекин	337 330,92	серебряный доллар	3
Тяньцзин	2 882 286,75	пекинский доллар (?)	23
Хайлар	1 581 165,38	даян	17
Шанхай	3 052 388,84	таэль	43
По всем отделениям	8 891 653,48	иена	100

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 147. Л. 167, 179, 191, 203, 215, 227. «По всем отделениям» *рассчитано по:* РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 144. Л. 1–12.

Однако в связи с предметом данного исследования основной интерес представляет другой банк – Дальневосточный банк в Харбине (Дальбанк в Харбине). Банк исследован пока еще очень слабо, он действовал с 1923 г. как советский акционерный заграничный банк на китайском уставе и под китайской юрисдикцией⁶⁹.

В самом общем виде можно сказать, что если ДВБанк наследовал зону деятельности Русско-Азиатского банка на российском Дальнем Востоке и в Японии, то Дальбанк в Харбине – в Северном и Восточном Китае. Филиальная сеть Дальбанка в Харбине ограничивалась 6 отделениями, тогда как у Русско-Азиатского банка их было 11. По сравнению с Русско-Азиатским банком, отделений Дальбанка не было в Западном Китае.

Для исследования любого банка необходимы обобщенные финансовые показатели, которые являются отправной точкой работы. В таблицах 6, 7, 9 представлены результаты расчетов, сделанных по материалам годового баланса Дальбанка в Харбине на 1 января 1927 г. По этим данным, Дальбанк выглядит полноценным коммерческим банком, ресурсы которого на 54 % формировались за счет депозитов, а учетно-ссудная и товарная группа операций составляла 44 %. На отделения приходился 21 % активов (таблица 6). Среди отделений преобладали Шанхай (43 %) и Тяньцзин (23 %), т. е. отделения в крупнейших финансовых центрах, южнее Маньчжурии. Такая структура филиальной сети указывает, что банк был советским «окном в Китай» (таблица 7).

Каждое отделение вело операции в своей региональной валюте (таблица 7), а сводный баланс банка составлялся в иенах. Однако валютная ситуация в Китае в этот период была еще более сложная, в результате каждая операция банка (как в правлении, так и в отделениях) была разделена по разным валютам. В результате по активу 42 % операций были в иенах и 31 % в американских долларах, по пассиву эти цифры составляли, соответственно, 50 и 20 %. Третьей валютой банка по размеру операций был харбинский доллар (таблица 8). Попытки ввести в обращение червонец были очень ограниченными: видимо, проект рассматривался как заведомо безнадежный.

На банк было возложено финансовое обслуживание КВЖД и клиентуры, связанной с советско-китайской торговлей в Китае. Скорее всего, клиентами банка были также многочисленные советские граждане в Китае. Известно, что банк занимался распространением советских займов среди русской диаспоры Харбина и в Маньчжурии в целом⁷⁰.

Таблица 8

Доли операций с разными валютами в сводном балансе Дальбанка
на 1 января 1927 г., %

Валюта	Актив	Пассив
Иена	42	50
Американский доллар	31	20
Харбинский доллар	12	11
Золотой рубль	5	9
Мексиканский доллар	5	4
Таэль	3	4
Фунт стерлингов	2	–
Остальные валюты	0,1	2
Итого	100	100

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 144. Л. 1–12.

Именно Дальбанк в Харбине, как правило, имеется в виду в литературе, посвященной КВЖД, белому движению, Коминтерну и советской разведке в Китае. В 1920-е гг. Китай рассматривался советским политическим руководством как страна потенциальной революции по типу Октябрьской⁷¹. Через Коминтерн советское политическое руководство легально и нелегально поддерживало Коммунистическую партию Китая. Однако оружие, снаряжение, военных инструкторов и деньги получали и китайские военные лидеры, если это отвечало интересам СССР. Опубликованные документы Коминтерна являются достаточным доказательством активного советского влияния на ситуацию в Китае в 1920-е гг.⁷² В связи с этим часто цитируются донесения 1923 г. связного Коминтерна в Шанхае С. Л. Вильде, который был тогда главным бухгалтером Шанхайской конторы Центросоюза (Центральный союз потребительских обществ) СССР. Вильде подробно отчитывался в центр о розданных по смете суммах, несколько раз каналом перевода средств указывается Дальбанк. Однако надо признать, что суммы, о которых отчитывается Вильде, не такие уж и большие. Фактически это всего два опубликованных отчета, в которых Вильде распоряжается номинальными суммами около 20 000 в разных валютах, имевших хождение тогда в Китае и Японии, а в одни руки он передавал суммы от 1000 до 10 000⁷³.

Намного более интересны опубликованные в тех же сборниках документов многочисленные сметы на поддержку советских политических проектов в Китае. Эти сметы утверждались Исполко-

мом Коминтерна, и в них фигурируют на порядок бóльшие суммы, чем в донесениях Вильде. Очевидно, что эти средства попали по назначению, но их финансовая проводка пока не исследована, хотя Дальбанк в Харбине, очевидно, является главным предполагаемым финансовым агентом этих операций. Сразу стоит отметить, что архивы советских банков, доступные в РГАЭ, содержат информацию только об экономической деятельности.

В то же время пример согласования крупных выплат через Дальбанк нашелся среди опубликованных документов, правда, уровнем выше Исполкома Коминтерна – в Политбюро ЦК ВКП(б):

Из протокола № 94 (особый № 72) заседания политбюро ЦК ВКП(б)

Москва, 7 апреля 1927 г.

Выписка Шейнману А. Л. (председатель правления Госбанка. – С. С.) и Фрумкину М. И. (зам. наркомвнешторга и наркомфина СССР. – С. С.)

Опросом членов политбюро от 6.4.1927 г. постановили: выдать немедленно ссуду в 2 млн руб. Центробанку Ханькоу через Шанхайское отделение Дальбанка⁷⁴.

С темой истории Коминтерна в Китае тесно смыкается тема истории советской внешней политической разведки (Иностранный отдел ОГПУ) и военной разведки (4-е управление штаба РККА). Связь разведки и Коминтерна хорошо видна из опубликованных материалов Коминтерна и не раз проанализирована в научной литературе⁷⁵. В книге В. Н. Усова обобщаются данные о советских резидентах в Китае⁷⁶. Из собранных им материалов создается впечатление, что разведчики чаще работали в советских хозяйственных органах за рубежом, чем в банках, а Дальбанк был не столько «банк, готовый на все», как дореволюционные имперские банки, а скорее банк, готовый на любой денежный перевод.

У Дальбанка в Харбине была, можно сказать, репутация агента советского влияния. В этом смысле показательны часто цитируемые сведения П. П. Балакшина, эмигранта и историка дальневосточной эмиграции, в которых, кстати, смешиваются харбинский и хабаровский Дальбанки, о чем уже говорилось выше: «В Харбине было открыто отделение “Дальбанка”, главная контора которого находилась в Хабаровске. <...> Дальбанк участвовал в финансировании деятельности Коминтерна в Маньчжурии и Китае, скупал золото в слитках для отправки в Москву, сбывал за ино-

странную валюту реквизируемые в России драгоценности, держал текущие счета для коминтерновских агентов»⁷⁷. Эти сведения по сути ценны тем, что отражают образ банка в глазах современников. Стоит также отметить, что фраза «скупал золото в слитках для отправки в Москву» в данном контексте имеет «шпионскую» коннотацию, а из процитированной выше записки Внешторгбанка в Госбанк становится ясно, что эти операции относятся к Дальбанку в Хабаровске и носят прежде всего экономический характер.

Дальбанк в Харбине прекратил существование в 1934 г., после японской оккупации Северной Маньчжурии и продажи КВЖД государству Маньчжоу-Го. Шанхайское отделение банка перешло под контроль Московского народного банка, советского заграничного банка в Лондоне, подчинявшегося Внешторгбанку, и действовало до 1950 г.⁷⁸ Другими словами, нужда в банке отпала с утратой КВЖД, а для финансового выхода в Китай достаточно было иметь выход в Шанхай.

Монголия и Тува

Исторические судьбы Монголии и Тувы очень близки в 1920-е гг., и банковское развитие на этих территориях невозможно рассматривать вне общеисторического контекста. В 1924 г. была провозглашена Монгольская Народная Республика. Тувинская Народная Республика (Танну-Тува в 1921–1926 гг.) существовала в 1921–1944 гг. До окончания Второй мировой войны обе республики были признаны только СССР, а для остального мира считались территорией Китая. В 1944 г. Тува вошла в состав СССР как Тувинская автономная область в составе РСФСР.

На политические процессы в Монголии и Туве решающее влияние оказали СССР и Коминтерн. Политическая поддержка заключалась в создании местных коммунистических партий и сопровождалась военной и экономической помощью в их борьбе за власть. В результате на этих территориях были созданы государства советского образца, в которых все государственные институты были сформированы при участии советников из Москвы. Монголбанк и Тувинбанк были частью этого проекта советизации⁷⁹.

Монголбанк условно можно считать реализованным проектом российского дореволюционного Монгольского банка, у которого монгольское правительство отозвало концессию в сентябре 1918 г., потому что банк так и не смог начать проекты, для которых создавался. Этот банк должен был кредитовать вывоз сырья, соз-

давать рынок российских товаров, развивать местную промышленность и проводить модернизацию финансовых институтов в стране, для чего начать выпуск национальной валюты, провести реформу бюджетной и налоговой системы, а также начать строительство железной дороги из России в Монголию⁸⁰. В 1920-е гг. проект банка в Монголии, сочетающего функции коммерческого и центрального, был возобновлен в новых условиях.

Монгольский торгово-промышленный банк (Монголбанк) открыл операции в Улан-Баторе (Урга) 2 июня 1924 г. В настоящее время это Банк Монголии. В 1920-е гг. банк был акционерным обществом, акции которого были разделены между Наркоматом финансов и Госбанком СССР, с одной стороны, и правительством Монгольской Народной Республики – с другой. Большинство ключевых постов в банке занимали граждане СССР. В советской банковской системе у банка было прямое подчинение Госбанку, однако материалов о Монголбанке в копиях очень много и в архиве Внешторгбанка⁸¹.

Монголбанк был банком-монополистом на территории, где ранее не было традиций современного банковского дела. На банк были возложены функции центрального банка: обслуживание счетов Министерства финансов Монголии, участие в разработке государственного бюджета, налоговых и таможенных тарифов. С декабря 1925 г. банк начал выпускать Монгольскую национальную денежную единицу – тухрик. Денежные знаки печатались в СССР. До укоренения национальной валюты основной валютой в стране был мексиканский серебряный доллар, обращавшийся в Китае. Из других валют с 1926 г. в страну был допущен только золотой рубль⁸², т. е. валютное регулирование также следовало советской модели.

Таблицы 9, 10, 11 дают общее представление о структуре операций и клиентуре банка на 1 января 1926 г. Это был некрупный банк, но сильно выросший с момента открытия. Из ресурсов были важны собственные средства, займы и корреспондентские счета, среди которых, разумеется, наибольшую роль играли советские средства. Однако постепенно росли и депозиты, из которых 42 % принадлежало Министерству финансов Монголии, 11 % вкладчиков составляли китайцы, а вот советских организаций среди клиентов по депозитам было мало.

К концу 1927 г. у Монголбанка было 5 постоянных отделений и 2 временных на период сырьевых заготовок⁸³. Отделения пока еще были слабы, и большая часть операций проводилась в правлении.

Среди учетно-ссудных операций преобладали специальные текущие счета под товары и товарные документы (примерно 25 % активов), что было связано с тем, что вексельный устав в Монголии появился только в 1925 г. Учетно-ссудная клиентура была в основном советская (42 %) и монгольская (49 %) ⁸⁴.

Банк занимался финансированием местной торговли, экспортно-импортных операций с Китаем и с СССР, а также кредитованием промышленности и сельского хозяйства.

Его основными клиентами были Монгольский центральный народный кооператив (Монценкоп), а также советские организации – акционерное общество «Шерсть», Сибгосторг и торгпредство, Дальцентросоюз. Крупные клиенты Монголбанка в основном занимались заготовкой шерсти, пушнины, закупками скота. Банк самостоятельно закупал товары и занимался их реализацией. В ассортимент входили чай, ткани, крупа, сахар, табак, кондитерские изделия, сельскохозяйственные орудия для русского населения ⁸⁵.

Баланс Монголбанка на 1 января 1926 г.

Операции	Мексиканские доллары	В % к активу (пассиву)	Доля операций правления (без отделений), %
Актив			
Касса, текущие счета, ценные бумаги, валюта, драгоценные металлы	2 180 747,23	35	88
Учетно-ссудная и товарная группа операций	3 043 530,96	49	90
Корреспонденты и отделения	784 791,20	13	60
Остальное	198 550,87	3	91
Баланс	6 207 620,26	100	85
Пассив			
Собственные средства	1 012 680,00	16	100
Банкноты, выпущенные в обращение	176 126,72	3	100
Депозиты	1 423 436,62	23	75
Займы	1 221 056,09	20	100
Корреспонденты и отделения	1 744 560,73	28	74
Чистая прибыль	169 628,17	3	100
Остальное	460 131,93	7	76
Баланс	6 207 620,26	100	85

Примечание: Доли отделений по балансу на 1 января 1926 г.: Алтан-Булак – 60,8 %, Цзаин-Шаби – 8,3 %, Улясутай – 14,0 %, Сан-Бейсе – 6,3 %, Кобдо – 10,6 % (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 92. Л. 35).

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 92. Л. 41–42.

Таблица 10

Вклады и текущие счета Монголбанка на 1 января 1926 г.

Число счетов	455,0	
Сумма в тыс. мекс. долларов, из них	1420,9	100 %
Минфин Монголии	590,1	42 %
Монценкоп*	76,7	5 %
Совхозорганы	98,2	7 %
Китайцы	152,7	11 %
Остальные	503,2	35 %

Примечание: * Монгольский центральный народный кооператив (Монценкоп) – крупнейшая кооперативная организация Монголии.

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 92. Л. 16.

Таблица 11

Учетно-ссудные операции Монголбанка на 1 января 1926 г.

Клиенты	Мекс. доллары	Мекс. доллары	в %
Советская клиентура			
Промышленность	20 000,00		
Кооперация	61 731,08		
Госучреждения	1 271 986,47		
Общественные организации	6731,98		
Итого		1 360 449,53	46
Монгольская клиентура			
Кооперация	1 441 005,18		
Общественные организации	1200,00		
Итого		1 442 205,18	49
Китайские частные фирмы	1150,20	1150,20	0,04
Прочие частные фирмы	154 580,55	154 580,55	5
Итого		2 958 385,46	100

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 92. Л. 19.

Тувинбанк, как и Монголбанк, был единственным банком в стране, где финансовые институты нужно было выстраивать, по сути, с нуля, причем начинать надо было с введения денежного обращения вместо товарного обмена.

Тувинский торгово-промышленный банк (Тувинбанк) в Кызыле открыл операции в сентябре 1925 г. Сегодня банк называется Национальный банк Республики Тыва и входит в состав Банка России. В 1920-е гг. это бы акционерный банк, у которого $\frac{2}{3}$ основного капитала в 300 тыс. руб. принадлежали Госбанку СССР, а $\frac{1}{3}$ – правительству Танна-Тувы. Директором, фактиче-

ски определявшим курс банка, всегда был представитель Госбанка СССР, а председателем совета – представитель Тувы.

Это был очень небольшой банк без отделений: его активы составляли всего 1107,4 тыс. руб. на 1 октября 1926 г. Банк выполнял функции центрального банка, проводя расчеты от имени Министерства финансов. Однако попытки наладить выпуск собственной валюты не удалось, и в 1928 г. в обращение был введен российский рубль.

Банк действовал при большой поддержке Госбанка СССР. Поддержка была кадровой, технической, финансовой. Ресурсы Тувинбанка сильно зависели от целевых кредитов из СССР. Задолженность Тувинбанка время от времени списывалась.

Основной функцией банка было кредитование хозяйства, но это хозяйство само по себе было еще очень слабым и не очень нуждалось в современных банковских услугах. Поэтому банк вынужден был заниматься хозяйственной и коммерческой деятельностью. Из «небанковских» отделов банка постепенно выросли крупные государственные предприятия, которые позже стали клиентами банка. В 1920-е гг. банк самостоятельно занимался организацией предприятий по добыче золота, разведению скота, вел закупки и распределение продовольствия и оборудования, финансировал строительство мелких промышленных предприятий⁸⁶.

Таким образом, Монголбанк и Тувинбанк – это, по сути, проекты советских банков на территориях, где нет других кредитных учреждений и нужно создавать институты и рынки товаров. Поэтому эти банки были не только коммерческими предприятиями и финансовыми агентами правительства, но также выполняли функции торговых и хозяйственных органов в той мере, в какой это было необходимо, чтобы создать для себя клиентуру, а для СССР – рынок сбыта товара.

Южное направление

Данный раздел посвящен Русперсбанку в Иране и внешнеэкономической деятельности Азиябанка. Однако на южном направлении действовало также с марта 1925 г. отделение Внешторгбанка СССР в Стамбуле, которое, оставаясь в рамках устава банка, подчинялось также и турецкому законодательству⁸⁷. До революции в Турции действовало Константинопольское отделение Русского банка для внешней торговли, которое не пережило военных потрясений и было ликвидировано в 1915 г.⁸⁸ В архиве Внешторг-

банка сохранилось много материалов по Стамбульскому отделению, однако этот вопрос не вошел в данное исследование.

Русперсбанк. Остатки Учетно-ссудного банка Персии со всем имуществом были безвозмездно переданы Ирану по межгосударственному договору 1921 г. Российская Федерация также отказывалась от прав по займам, предоставленным при посредстве банка. Ирану передавалась также вся «колониальная инфраструктура» Российской империи, включая принадлежавшие ранее частным и акционерным предприятиям шоссейные и железные дороги, пристани, склады, телеграфные линии, промышленные предприятия⁸⁹. Хотя возникает закономерный вопрос о качественном состоянии российской собственности к моменту передачи, потому что все предыдущие годы российский бизнес постепенно терял активы в Иране⁹⁰.

Вместо Учетно-ссудного банка Персии в 1923 г. в Тегеране создается Русско-Персидская банкирская контора (Русперсбанк). Учредителями стали Русско-азиатское акционерное общество с правлением в Москве (одна из ранних советских концессий, подобных той, из которой вырос Внешторгбанк), Российский коммерческий банк (будущий Внешторгбанк) и иранское купечество. В 1920-е гг. Русперсбанк действовал на основании устава, учрежденного иранским правительством, при этом банк с 1927 г. был в подчинении НКВД и Внешторгбанка. Этот банк, известный позже как Русско-Иранский банк, просуществовал до 1979 г., т. е. до принятия в Иране закона о национализации банков⁹¹.

В 1920-е гг. банк развил сеть из 13 отделений в Северном Иране, которая практически полностью совпадала с филиальной сетью Учетно-ссудного банка Персии в 1913 г.⁹²

Русперсбанк в 1920-е гг. был банком со сложной судьбой. Серьезные проблемы банка в 1925/26 финансовом году описываются в аналитических материалах к отчету. В предыдущий 1924/25 финансовый год Госбанк СССР пытался вывести червонец на рынок Персии в качестве устойчивой конвертируемой валюты, курс которой держался бы на номинальном уровне. По поручению Госбанка Русперсбанк покупал червонцы в обмен на английские фунты, которые ему предоставлял Госбанк. Продавцами валюты выступали персидские купцы, торговавшие с СССР. Затем Русперсбанк сдавал червонцы Госбанку в Баку или Москве, а фунты продавал английскому Шахиншахскому банку в Тегеране или частным лицам посредством продажи почтовых и телеграфных переводов на Лондон⁹³.

Однако в конце 1925 – начале 1926 г. стало окончательно ясно, что курс червонца удержать не удастся. В связи с кризисом с иностранной валютой в начале 1926 г. Госбанк отказался от покупки червонца в Персии, Русперсбанк также вынужден был прекратить эти операции. Сразу же по прекращении Русперсбанком скупки червонца образовались параллельно два курса: во-первых, паритетный курс, объявляемый Русперсбанком в зависимости от курса персидской валюты к английскому фунту и курса фунта к червонцу в Москве и, во-вторых, курс черного рынка в Персии. Эти два курса значительно отличались: например, при курсе Русперсбанка в 45 кранов за червонец, на черном рынке червонец стоил 29 кранов. В декабре 1927 г. и январе 1928 г. курс черного рынка падал до 26–27 кранов за червонец. Курс колебался также в зависимости от курса крана к английскому фунту, но разница 30–35 % между официальным и неофициальным курсом крана к червонцу сохранялась⁹⁴.

В результате и частные персидские купцы и даже советские организации отказывались сдавать валюту Русперсбанку для перевода ее в СССР, предпочитая обменивать ее в частных персидских банкирских конторах по выгодному для себя курсу⁹⁵.

Падение курса вело к сильному удешевлению советских товаров. Ситуация обсуждалась на закрытом заседании секции внешней торговли Совета съездов государственной промышленности и торговли в начале 1928 г. Однако общим мнением было не уходить с рынка, чтобы не освобождать место для конкурентов⁹⁶.

Валютный кризис ударил по банку серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Дело в том, что основной капитал банка составлял 25 млн кранов или 5 млн руб. и в дополнение к этому 5417 тыс. кранов резервов на 1 октября 1926 г. (таблица 12). Однако 50 % этого капитала находилось не в Персии, а в рублях в СССР, а в последнем квартале 1925/26 г., в наиболее тяжелый период, – до 80 %. Таким образом, в результате валютного кризиса весь капитал банка оказался иммобилизован в Москве⁹⁷. В отчете за следующий 1926/27 г. упоминается, что иностранные кредиты банку получить так и не удалось, поэтому действовать приходится полностью на советские средства⁹⁸.

В период «борьбы за червонец» Русперсбанк был сосредоточен в первую очередь на валютных операциях, т. е. на скупке червонцев, поэтому чисто банковские операции, связанные с обслужива-

нием советско-персидской торговли, оказались недостаточно развитыми, по мнению составителей отчета за 1925/26 г.⁹⁹

Таблица 12
Реформированный баланс Русперсбанка на 1 октября 1926 г. *

	Тыс. кранов	% к активу (пассиву)	Изменение к 1 июля 1927 г., %
Актив			
Касса, текущие счета и ценности	5003	8	134
Паи и акции, принадлежащие банку	7250	11	
Учетно-ссудные операции, вексельные	6379	10	320
Учетно-ссудные операции, товарные	12 839	20	181
Корреспондентские счета	25 307	39	64
Покупка переводов	2725	4	170
Прочие активы	5756	9	95
Реформированный баланс	65 259	100	121
Пассив			
Капитал	25 000	38	106
Резервы	5417	8	106
Текущие счета и вклады	21 330	33	120
Корреспондентские счета	5573	9	88
Счет прибылей и убытков	1569	2	630
Прочие пассивы	6370	10	103
Реформированный баланс	65 259	100	121
Забалансовые счета	17 882		216
Баланс до реформирования (по старой системе расчета)	83 141		142

Примечание: * Реформированный баланс в данном случае означает, что правила составления баланса поменялись и с 1 октября 1926 г. часть счетов была переведена из балансовых счетов в забалансовые. Разница между итоговыми цифрами показана в последних строках таблицы.

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 98. Л. 8, 48.

Таблица 13
Региональная структура операций Русперсбанка на 1 октября 1926 г.

	Тыс. кранов	% к балансу
Правление	49 883	76
Тегеранская контора	2159	3
Отделения	13 217	20
Всего	65 259	

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 98. Л. 9.

В таблице 12 приводится баланс на 1 октября 1926 г. Это кризисный баланс, который не очень хорошо демонстрирует суть проблем, изложенных в аналитических материалах к этому отчету. Однако даже по этому балансу заметна низкая доля учетно-ссудных операций, высокая доля основного капитала в пассиве (который к тому же был иммобилизован), преобладание корреспондентских счетов по активу и их слабость по пассиву (т. е. на корсчетах была сосредоточена большая задолженность советских организаций, а источником средств для самого банка эти счета не были). Большая часть операций (75 %) была сосредоточена в Тегеранском правлении (таблица 13)¹⁰⁰.

В целом отчетные материалы банка за 1925/26 г. показывают, что доля персидских купцов почти не росла и имела тенденцию к снижению. По вексельным операциям персидские купцы составляли примерно 82 % клиентуры, а по текущим счетам под товары и товарные документы, наоборот, 90 % составляли советские организации. Общее соотношение этих групп операции было 1:2¹⁰¹.

По пассивным текущим счетам доля советских организаций составляла 70–80 %, а доля персидских купцов колебалась в диапазоне 18–27 %. По вкладам и текущим счетам крупнейшие из девяти отделений на 1 октября 1926 г. были Мешхед (44 %), Тебриз (15 %), Пехлеви (11 %) и Решт (13 %)¹⁰².

В связи с кризисом в торговле между Россией и Персией на какое-то время была введена система бартерных расчетов. Во втором квартале 1927 г. бартер уже был отменен и действовал новый режим отношений, который, судя по многим признакам, улучшил ситуацию как в банке, так и в русско-персидской торговле в целом (таблица 12). Изменение политики заключалось в решении привлечь в банк персидское купечество, для чего условия их финансирования были выровнены с советскими организациями. В то же время банк начал усиленно работать над финансированием продвижения экспорта советских товаров вглубь страны. Активные операции банка стали расти, доля персидских купцов с 1 октября 1926 г. по 1 июля 1927 г. увеличились на 12 %¹⁰³.

Однако проблемы все равно остались. Прибыльными подразделениями были только Тегеранское правление, отделение в Реште и Пехлеви, все остальные подразделения, включая Тегеранскую контору, на 1 июля 1927 г. были убыточны. Причина заключалась в дорогом аппарате банка, на содержание которого уходило до 40 % валового дохода. Например, по отделениям Хамадан и Каз-

вин содержание аппарата превышало валовой доход, а Барфруше и Тавризе равнялось ему. Убыток по отделению в Исфахане складывался из статей текущих расходов: «выходные, подъемные, суточные в общей сумме около 20 тыс. кранов, т. е. за счет расходов экстраординарных»¹⁰⁴. Столь же непропорциональные расходы на содержание личного состава отмечены в Севзаварском отделении.

С другой стороны, как отмечается в цитируемом отчете, ситуация с убыточностью может измениться, когда будут полностью начислены проценты по текущим счетам, тогда, безусловно, убыточными окажутся Тавриз, Тегеранская контора (Базар) и может быть, Сабзевар¹⁰⁵.

Таким образом, отчетность банка объясняет проблемы банка валютными проблемами и высокими текущими расходами и чуть приглушает главную проблему Русперсбанка как бизнеса: неспособность привлечь стабильную солидную клиентуру в достаточном количестве. Именно этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении в первую очередь.

Внешнеторговая деятельность Азиабанка. На территориях, где влияние России было слабым, банковское проникновение шло в форме счетной части полпредств, консульств и торговых агентств без явного подчинения одному из банков СССР. Так было в Афганистане, в Кабуле с 1925 г., а также в Западном Китае (Урумчи, Кашгар, Кульджа, Чугучак) в конце 1920 – начале 1930-х гг.¹⁰⁶ В 1920-е гг. в Центральной Азии внешнеэкономической деятельностью занимался небольшой советский Среднеазиатский коммерческий банк (Азиабанк), специализируясь на операциях с Афганистаном, Западным Китаем и Хорасаном (Восточным Ираном)¹⁰⁷.

Азиабанк был создан в 1924 г. в форме акционерного общества с капиталом 7,5 млн руб. и с правлением в Ташкенте. Акционерами банка являлись Наркомфин СССР, Главный хлопковый комитет, Бухарская ССР, Туркестанская АССР и Хорезмская ССР¹⁰⁸. Банки такого типа называли также специальными банками, т. к. для каждого из них предполагалась определенная специализация. В данном случае специализация заключалась в банковском обслуживании Средней Азии. Банк также относили к типу «окраинных», т. е. созданных для окраин страны, как бы в дополнение к главным спецбанкам (Промбанку, Электробанку, Внешторгбанку)¹⁰⁹. От термина 1920-х гг. «окраинный банк» веет старым колониализ-

мом. К числу таких банков относился и Дальневосточный банк в Хабаровске.

Статистика внешнеторговых операций Азиабанка показывает, что этот банк доминировал в операциях с Афганистаном. В иранском Хоросане банк «делил рынок», видимо, с Русперсбанком. В Западном Китае институциональная организация советских операций пока еще плохо понятна исследователям, и факт, что четверть операций обслуживалась Азиабанком, – первая попытка уточнения этого вопроса (таблица 14).

Таблица 14

Кредитование Азиабанком внешнеторговых операций в 1928/1929 гг.

	Афганистан		Западный Китай		Хоросан	
	1	2	1	2	1	2
Экспорт	6516	93	4427	27,6	4396	38,3
Импорт	9296	79	2860	20,8	6877	49,1
Итого	15 812	84,50	7 287	24,4	11 273	44,3

Примечания:

1 – Кредиты, предоставленные Азиабанком, тыс. руб.

2 – Доля от всех советских внешнеторговых операций в регионе, %.

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 77. Л. 29.

Таблица 15

Клиентура Азиабанка по внешнеторговым операциям в 1928/29 г., %

	Афганистан	Западный Китай	Хоросан
Советские организации в СССР	99,12	57,38	93,19
Советские организации за границей	0,04	10,61	
Восточные купцы в СССР	0,30	11,98	6,81
Восточные купцы за границей	0,54	14,17	
Внутренние торговые обороты		5,86	
	100	100	100

Источник: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 77. Л. 30.

Клиентура по внешнеторговым операциям в Афганистане и Хоросане была почти полностью советской, причем находящейся в СССР. Заметное отличие наблюдалось по операциям банка в Западном Китае, треть в сумме составляли кредиты иностранным купцам (таблица 15).

Этот небольшой сюжет об Азиабанке, подготовленный по архивным материалам, показывает, что внешнеэкономической деятельностью занимались и другие советские банки, кроме Госбанка, Внешторгбанка и Промбанка, однако у нас до сих пор нет целостной картины этого вопроса.

* * *

Три сюжета о деятельности советских заграничных банков в Азии позволяют сделать предварительный вывод о двух моделях советского банковского бизнеса за рубежом.

Во-первых, модель Монголбанка и Тувинбанка, к моменту реализации которой СССР значительно продвинулся в решении вопроса о политическом контроле над ситуацией в Монголии и Туве, в результате в эти страны стал возможен перенос советской экономической модели в целом. В рамках этой модели начинается модернизация Монголии и Тувы, включая развитие современной банковской системы. При этом Монголбанк и Тувинбанк были экономическими агентами с существенно более широкими полномочиями, чем просто банки, на них возлагались задачи, связанные с организацией промышленных предприятий и развитием торговли.

Во-вторых, не очень похожие модели Русперсбанка и Дальбанка в Харбине, которые объединяют общие условия, когда политического контроля на территории деятельности банка у СССР нет, или он ограничен, прямое насаждение советских институтов невозможно, и встает вопрос об адаптации советской системы к местным условиям.

В случае с Русперсбанком найти оптимальный вариант в 1920-е гг. не удалось: подходы к валютным вопросам, принципам формирования клиентуры, управления расходами отделений – все пока давало сбой, и только ресурсы всей советской банковской системы, стоящие за Русперсбанком, как, впрочем, и за любым заграничным, позволяли этому проекту удержаться на плаву.

В Китае ситуация с Дальбанком была несколько лучше. С одной стороны, политическая и экономическая ситуация в Китае, видимо, вообще исключала какие-либо попытки банковского дела по советскому образцу. С другой стороны, у банка была гарантированная клиентура, связанная с КВЖД и советским населением в Маньчжурии, а также с обслуживанием торговых каналов между СССР и Китаем. В этом смысле показательна судьба

дореволюционного Русско-Азиатского банка: отрыв от экономических связей с Россией создавал условия для краха банка.

Заключение

В экспансии Российской империи в Азию участвовали специальные, имперские банки. Это были банки под контролем правительства, со значительно более свободным уставом по сравнению с частными банками, чтобы легче было адаптироваться к условиям другой страны или к запросам российского правительства. Государственный контроль над банком такого типа позволял использовать его в регионах, где российские частные банки не хотели рисковать или где правительство хотело сохранить максимальный контроль над российской экспансией.

Российскую имперскую политику в Азии двигала идеология, характерная и для других держав той эпохи, которая подразумевала, что некоторые азиатские территории должны быть закреплены в сфере российского политического и экономического влияния. В рамках имперской политики специальный банк занимался обслуживанием имперских займов местному правительству, развитием концессий, формированием рынка российских товаров, при этом основой его деятельности были чисто банковские операции: обеспечение внешней торговли кредитами и платежами, а также, по мере возможностей, операции на местном финансовом рынке.

Не все операции имперских банков были успешными, однако вопрос об эффективности банка как коммерческого предприятия оказывался менее важным по сравнению с его участием в борьбе за политическое и экономическое влияние Российской империи. Убытки имперских банков всегда могли быть списаны за счет государственных ресурсов.

В 1920-е гг. сеть советских заграничных банков в Азии пыталась занять экономическую нишу, которую до революции занимали российский частный бизнес и государственные имперские банки. В этом прослеживается явная попытка вернуть утраченные экономические позиции.

Однако банковская деятельность в Азии в 1920-е гг. значительно усложнилась, потому что у участников рынка было меньше

ресурсов, национальные валюты были менее стабильны, политическая ситуация продолжала быть непредсказуемой, а кредитные практики были в значительной степени подорваны еще в предшествующий период войн и революций.

В СССР внешняя торговля была монополией государств, и в экономике доминировала государственная собственность, поэтому экономическая составляющая в деятельности советских банков за рубежом стала существенно более важной, чем в дореволюционный период. Другими словами, не было других институтов, кроме государственных, для развития внешней торговли.

Восточная торговля всегда была важна для России, потому что в азиатских странах были хорошие возможности для российского промышленного экспорта, а не только для продовольственного и сырьевого экспорта, как это было в Европе. Разумеется, это не относится к Японии, которая была страной промышленного импорта для России в 1920-е гг. В то же время ситуация для российского экспорта была благоприятной не во всех странах. Лучше всего дела шли в Персии, в Китае была сложная конкурентная среда, а в таких странах и регионах, как Афганистан, Западный Китай, Монголия и Тува, рынок российских товаров был еще очень слаб и его необходимо было развивать.

Функции советских заграничных банков пока недостаточно исследованы. Такие банки начали создаваться в начале 1920-х гг., т. е. в период политической и экономической изоляции СССР, и задача поиска иностранных кредитов ставилась перед этими учреждениями в числе первоочередных. Однако в этом направлении заграничные банки продвинуться не смогли. Причины этого явления объясняют данные таблицы 16, в которой сделана попытка сопоставить активы дореволюционных и советских банков. Расчеты сделаны по валютным курсам, доступным в публикациях, цифры в разных валютах оказалось проще выразить в долларах США, чем в рублях. Даже если эти расчеты не совсем точно учитывают разницу покупательной способности рубля в 1914 г. и в 1920-е гг., из таблицы 16 все равно следует, что заграничные банки были очень мелкими учреждениями по сравнению с внутренними советскими банками. Госбанк СССР, вобравший в себя национализированные частные банки, был заметно крупнее Внешторгбанка СССР, который, в свою очередь, с точки зрения

банковской системы Российской империи, был скорее средним по размеру.

Из таблицы 16 следуют три очень важных вывода. Во-первых, прорыв кредитной блокады СССР мог идти в первую очередь по линии Госбанка, который мог дать максимальные гарантии кредиторам, и только во вторую очередь – Внешторгбанка. Так и было на самом деле. Во-вторых, внешнеэкономический успех Внешторгбанка СССР должен был быть обратно пропорционален его независимости от Госбанка СССР: чем больше связь с Госбанком, тем больше могут быть гарантии кредиторам. И действительно, Внешторгбанк постепенно стал отделом Госбанка СССР. В-третьих, заграничные банки не могли быть самостоятельными банками, они могли лишь выполнять функции отделений, потому что не могли не зависеть от ресурсов более крупных советских банков.

Таблица 16

Сравнение активов банков в долларах США

	Дата баланса	Активы, в млн единиц	Валюта баланса	Активы в млн долларов США 1927–1929 гг.
Госбанк СССР	01.10.1928	5933,1	рубли	11 534,0
Внешторгбанк СССР	01.10.1927	162,3	рубли	315,5
Русперсбанк	01.01.1927	70,4	краны	30,4
Дальбанк в Харбине	01.01.1927	42,6	иены	20,8
Монголбанк	01.01.1926	6,2	мексиканские доллары	2,7
Госбанк Российской империи	01.01.1914	3040,5	рубли	5898,6
Русско-Азиатский банк	01.01.1914	828,7	рубли	1607,8
Русско-Китайский банк	01.01.1910	287,7	рубли	558,0
Учетно-ссудный банк Персии	01.01.1912	68,4	рубли	132,7

Источники: Курсы валюты: Курсы валют за период до 01.07.1992. Доллар США // Банк России. URL: http://www.cbr.ru/currency_base/OldDataFiles/USD.xls; курс рубля к доллару в 1912–1913 гг. примерно равен курсу конца 1920-х гг. (1,94 руб. за 1 доллар в 1910-е и 1,944 руб. – в 1927–1929 гг.); Госбанк СССР: Блюм А. История кредитных учреждений. С. 208; Внешторгбанк СССР: Банк для внешней торговли СССР. Отчет за 1926/27 гг. М., 1927; Русперсбанк (по официальному курсу): РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 98. Л. 8, 48;

Дальбанк в Харбине (по курсу баланса): РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 144. Л. 1–12; Монголбанк (по курсу баланса Дальбанка в Харбине): РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 92. Л. 41–42; Госбанк Российской империи: Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 50–51; Баланс Государственного банка Российской империи. 1861–1917. М., 2011. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/12_014.xls; Русско-Азиатский банк: Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты кредитных учреждений, торговых и промышленных предприятий. 1914. № 31. Р. 1727; Русско-Китайский банк: Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1905 г. СПб., 1906; Баланс Русско-Китайского банка. 1897–1910 / сост. С. А. Саломатина. М., 2011. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/12_017.xls; Учетно-ссудный банк Персии: РГИА. Ф. 600. Оп. 9. Д. 1230. Л. 36 об.–37.

Таким образом, заграничные банки – это фактически отделения всей советской банковской системы за рубежом. В первую очередь они занимались обслуживанием платежей между СССР и другими странами, а также собирали информацию о зарубежных рынках (материалов на эту тему очень много в архиве Внешторгбанка). Клиентура заграничных банков состояла преимущественно из советских организаций.

Советскую банковскую систему за рубежом отличал жесткий контроль за менеджментом и нацеленность на прибыльную и эффективную работу по операциям, связанным с обслуживанием торговли и промышленности. При этом всегда нужно учитывать, что основным источником ресурсов и, соответственно, покрытия убытков этих банков была вся государственная банковская система в целом.

Использование банков в политических целях в 1920-е гг. изменило свои формы по сравнению с «традиционным империализмом», получавшим влияние на правительство азиатского государства через выпуск на рынок и обслуживание его займов. Советское банковское проникновение шло в рамках другой идеологии. В 1920-е гг. советская идеология проповедовала идею мировой революции, непримиримой политической борьбы за переход к новому общественно-политическому строю. В 1919 г. был создан Коминтерн, и идея политического влияния в других странах через мировое коммунистическое движение становится важной линией в советской внешней политике. В этой борьбе допускалось использование практически любых легальных и нелегальных средств. Степень проникновения банковской системы

советского типа в другую страну зависела от степени успешности там миссии Коминтерна.

В истории 1920-х гг. можно наблюдать два варианта советской экспансии в Азии, и соответственно, два типа заграничного банка.

Первый вариант, который характерен для Монголии и Тувы, где политическое влияние СССР и Коминтерна было устойчивым и преобладающим. В эти страны происходил экспорт советской экономической системы в целом. Деятельность Монголбанка и Тувинбанка, подкрепленная ресурсами советской банковской системы, имела сильный модернизационный аспект. Эти банки не только приняли участие в создании современной денежной и финансовой системы, но и занимались организацией местной промышленности и торговли, тем самым «выращивая» для себя клиентуру.

Второй вариант характерен для стран, где у СССР не было сильных политических позиций, т. е. Турции, Персии, Афганистана, Китая. Банки, работавшие в этих странах, должны были решать экономические задачи, приспосабливаясь к местным условиям. На примере Русперсбанка и Дальбанка в Харбине можно сказать, что эти банки были основаны на местном законодательстве, чтобы, во-первых, быть понятными иностранным партнерам, а во-вторых, чтобы уйти от жестких правил и ограничений, принятых внутри советской банковской системы.

Русперсбанку в 1920-е гг. не удавалось найти эффективную модель работы в несоциалистическом государстве. При этом Персия оставалась в 1920-е гг. крупнейшим торговым партнером СССР в Азии.

У Дальбанка в Харбине была устойчивая клиентура, связанная с КВЖД и советской диаспорой в Маньчжурии. В Китае в 1920-е гг. шла гражданская война. СССР оказывал в разной форме материальную поддержку разным политическим силам, а также напрямую пытался заниматься экспортом революции через Коминтерн и Коммунистическую партию Китая, однако победа Гоминьдана в политической борьбе поставила крест на большинстве советских планов. Финансовые операции Коминтерна проводились через Дальбанк в Харбине, хотя этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что идея влияния одного государства на территории другого никуда не уходит

в истории первой трети XX в. До 1914 г. это явление хорошо описывается в рамках традиционного империализма, в 1920-е гг. оно встраивается в советскую идеологию. В результате оказывается, что экономическое и политическое влияние могло осуществляться под разными лозунгами. В 1920-е гг. возможностей у СССР было меньше, чем у Российской империи: сказывались последствия войн и революций. Однако теперь все силы были собраны в руках советского государства, и мечта дореволюционных высших чиновников о полностью контролируемой внешней экспансии начала сбываться в такой неожиданной для них форме.

Примечания

¹ Статья написана по материалам доклада «The Bank for Foreign Trade of the USSR (Vneshtorgbank) and affiliated banks in Asia in the 1920s: the transformation of Russian imperial banking» на XVI Мировом конгрессе экономической истории в Стелленбоше (ЮАР), 9–13 июля 2012 г. Доклад был представлен на секции «Imperial banking: imperial strategies of exporting finance modernisation (19th – 20th centuries)».

² В работе не используется термин «империалистический», потому что он концептуально связан с традициями советской марксистской историографии и поэтому несет более сложную смысловую нагрузку, чем термин «имперский».

³ Внешэкономбанк: 75-летию Внешэкономбанка посвящается / под общ. ред. А. П. Забазнова; авт. текста: Ю. П. Голицын, А. Г. Саркисянц. М., 1999.

⁴ Кротов Н. И. Московский народный банк: сто лет истории. М.: Международные отношения, 2011. С. 93–122.

⁵ Yago K. The Anatomy and Pathology of Empire. Three Balance Sheets of Russian and Soviet Banks // Comparative imperiology / ed. by K. Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2010. (Slavic Eurasian Studies; no 22). P. 61–77.

⁶ Об *Учетно-ссудном банке Персии* см.: Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капитала. 1895–1914 гг. (По материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975; Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 467–495. О *Русско-Китайском банке* см.: Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928; Crisp. O. The Russo-Chinese Bank: An Episode in Franco-Russian Relation // The Slavonic and East European Review. Vol. 52. 1974. April. No. 127. P. 197–12; Quested R. K.I. The Russo-Chinese Bank a Multinational Financial Base of Tsarism in China. Birmingham, 1977; Мясников В. С. Русско-Китайский Банк и его роль в истории международных отношений в Восточной Азии // Востокведение и мировая культура. М., 1998. С. 234–271; Лукоянов И. В. Русско-Китайский банк (1895–1904 гг.) // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2000.

№ 2. С. 177–202. О *Русско-Корейском банке* см.: Чой Доккю. Россия в Корее: 1893–1905 гг.: СПб.: Зеро, 1996. С. 38–40, 59–66. О *Монгольском банке* см.: Беляев С. Г. Указ. соч. С. 496–546.

⁷ Яго К. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012 / под ред. Л. И. Бородкина, Ю. А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012. С. 293–314.

⁸ Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 55–67, 185–187.

⁹ Ji Zhaojin. A history of modern Shanghai banking: the rise and decline of China's finance capitalism. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 2003.

¹⁰ О *Русско-Корейском банке* см.: Чой Доккю. Россия в Корее: 1892–1905 гг. СПб., 1996. С. 38–40.

¹¹ О *Монгольском банке* см.: Беляев С. Г. Указ. соч. С. 496–546.

¹² Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 16; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7590. Оп. 3. Д. 25. Л. 34–35.

¹³ Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 187–195.

¹⁴ См. рисунок 3.

¹⁵ Беляев С. Г. Указ. соч. С. 535–538, 542–543.

¹⁶ Родригес А. М. История стран Азии и Африки в Новейшее время: Учебник. М.: Проспект, 2010. С. 10–12.

¹⁷ См. примечание 92.

¹⁸ Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России (в 1000-х рубл.) на 1 января 1906 г. С. 3.

¹⁹ Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1905 г. СПб., 1906. Счет прибылей и убытков.

²⁰ Yago K. Op. cit. P. 161.

²¹ Ibid. P. 162–163.

²² См.: Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994. С. 165–178; Ji Zhaojin. Op. cit. P. 70–72.

²³ Акционерно-паевые предприятия России. М., 1913. С. 474–475; Русские банки: Справ. и стат. сведения о всех действующих в России гос., част. и обществ. кредит. учреждениях / под ред. А. К. Голубева; Год 4 (1908). СПб., 1908. С. 31.

²⁴ Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1905 г. СПб., 1906. Баланс на 1 января 1906 г.; Баланс Русско-Китайского банка. 1897–1910 / сост. С. А. Саломатина. М., 2011. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/12_017.xls

²⁵ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 25. Копия обзора о развитии торговли России с Персией с отдаленных времен (с VI века по 1919 г.), 1924 г. Л. 40–42.

²⁶ Там же. Л. 40.

²⁷ Там же. Л. 40–41.

²⁸ Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 55–67.

²⁹ Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 200–201; Беляев С. Г. Указ. соч. С. 470–471.

³⁰ Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 54.

³¹ Ji Zhaojin. Op. cit. P. 72.

³² Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 185–195.

³³ Там же. С. 508–509.

³⁴ Отчет Русско-Китайского банка за 1907 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты обязанных публичной отчетностью предприятий. 1908. № 33. С. 1115; Баланс Русско-Китайского банка. 1897–1910 / сост. С. А. Саломатина. М., 2011. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/data/12_017.xls. Прим. 2 и 21.

³⁵ РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 158. Заключение ревизионной комиссии по балансам отделений на 1 янв. 1907 и 1908 г.

³⁶ С 1922 г. – Государственный банк СССР.

³⁷ Об Улофе Ашберге: Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Русская идея, 2005; Внешэкономбанк... С. 19; Icons // Nationalmuseum. URL: <http://www.nationalmuseum.se/sv/English-startpage/Collections/Painting/Icons/>

³⁸ Внешэкономбанк... С. 15–27, 33.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 11. Л. 149 об.

⁴¹ Внешэкономбанк... С. 33–35.

⁴² Там же. С. 57–59, 63.

⁴³ Там же. С. 55.

⁴⁴ Там же. С. 63–66.

⁴⁵ Там же. С. 37, 59, 69, 71.

⁴⁶ Там же. С. 63.

⁴⁷ Там же. С. 33, 57–59, 63.

⁴⁸ Там же. С. 33, 63.

⁴⁹ Там же. С. 49, 57.

⁵⁰ Там же. С. 43–47.

⁵¹ Watson D. R. The Rise and Fall of the Russo-Asiatic Bank. Problems of a Russian Enterprise with French Shareholders, 1910–26 // European History Quarterly. Vol. 23. 1993. P. 39–49. DOI: 10.1177/026569149302300102. P. 40.

⁵² Watson D. R. Op. cit. P. 46.

⁵³ Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Рус. панорама, 2005. С. 91.

⁵⁴ Watson D. R. Op. cit. P. 46.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 140. Л. 12–12 об.

⁵⁶ Watson D. R. Op. cit. P. 44–46.

⁵⁷ Об этом см.: Аблова Н. Е. Указ. соч. С. 85–120.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 120–125.

⁶⁰ Там же. С. 125.

⁶¹ Там же. С. 127.

⁶² РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 140. Л. 12–12 об.

⁶³ Ji Zhaojin. Op. cit. P. 72.

⁶⁴ Здесь и далее, если не указано иначе, о Дальневосточном банке в Хабаровске см.: РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 140. Л. 47–47 об.; Финансово-кредитный

словарь. 2-е изд., стер. Т. 1: А–Й. М.: Финансы и статистика, 1994. С. 329; Путеводитель по фондам государственного архива Хабаровского края и его филиала в городе Николаевске-на-Амуре. Т. 1, Хабаровск, 2006. С. 109–110. Дальневосточный коммунальный банк (1922–1939). URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=215&sid=735195>

⁶⁵ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 140. Л. 47.

⁶⁶ Там же. Д. 191. Дело посвящено кредитованию рыбной промышленности, документы 1925–1928 гг.

⁶⁷ Там же. Д. 140. Л. 47.

⁶⁸ Там же. Л. 47–47 об.

⁶⁹ Российский государственный архив экономики: Путеводитель. М.: Благовест, 1994. С. 5. Дальневосточный банк в Харбине и его Шанхайское отделение. 1923–1934; Внешэкономбанк... С. 37, 69.

⁷⁰ Внешэкономбанк... С. 69–70.

⁷¹ Об этом см.: Мамаева Н. Л. Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 344–347.

⁷² ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы / редкол.: Го Хэньюй, М. Л. Титаренко (рук. работы) [и др.]: в 5 т. М., 1994–2007.

⁷³ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1: 1920–1925. М., 1994. С. 209–211, 226, 238–239, 723.

⁷⁴ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. Т. 2. Ч. 2: 1926–1927. М., 1996. С. 662.

⁷⁵ Напр. см.: Хаустов В. Н. Некоторые проблемы деятельности органов госбезопасности в 1920–1930-е годы // Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Отечественные спецслужбы в 1920–1930-х годах. М.; Великий Новгород, 2000. С. 3–7; Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 20-е годы XX века М.: ОЛМА-Пресс, 2002; Связь Коминтерна и разведки по сборникам «ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае» можно проследить по упоминаниям начальника ИНО ОГПУ М. А. Трилисера (Москвина) и начальника 4-го управления штаба РККА Я. К. Берзина.

⁷⁶ Усов В. Н. Указ. соч.

⁷⁷ Балакшин П. П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. Сан-Франциско, 1958. С. 141. Цит. по: Усов В. Н. Указ. соч. С. 131.

⁷⁸ Кротов Н. И. Московский народный банк: сто лет истории. М.: Международные отношения, 2011. С. 113–122.

⁷⁹ Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940). М.: ИВ РАН, 1999. С. 52, 307–308; Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004. С. 95–98; Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татарское книжное изд-во, 2010. С. 263, 267.

⁸⁰ Беляев С. Г. Указ. соч. С. 544

⁸¹ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 140. Л. 66; Внешэкономбанк... С. 59; Баабар. Указ. соч. С. 246.

⁸² Там же. Д. 140. Л. 66.

⁸³ По данным на 2 ноября 1927 г., Монголбанк имел отделения в Алтан-Булаке, Сан-Бейсе, Кобдо, Улясутае, Цзаин-Шаби, а также временные отделения в Цецен-хане и Югодзыре, открываемые в период сырьевых заготовок (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 140. С. 178).

⁸⁴ Там же. Д. 92. Л. 16, 18–19, 41–42.

⁸⁵ Там же. Л. 18, 20.

⁸⁶ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 11. Л. 33; Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004. С. 120–121; Из истории банковского дела в Республике Тыва // Вестник Банка России. 2009. № 46(1137). С. 35–37. URL: <http://www.cbr.ru/publ/Vestnik/ves090805046.zip>

⁸⁷ Внешэкономбанк... С. 37, 69.

⁸⁸ Отчет Русского для внешней торговли банка за 1915 г. Пг., 1916. Доклад правления к собранию акционеров 31 марта 1916 г.

⁸⁹ Бовыкин В. И. Учетно-ссудный банк Персии // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия: в 2 т. Т. 2: Н-Я. М.: РОССПЭН, 2009. С. 1019–1020.

⁹⁰ См.: Беляев С. Г. Указ. соч. С. 495–472.

⁹¹ Финансово-кредитный словарь. 2-е изд., стер. Т. 3: Р-Я. М.: Финансы и статистика, 1994. С. 81; Внешэкономбанк... С. 37, 59.

⁹² Список из 13 отделений, основанных в период 1924–1928 гг., архивы которых сохранились: Баболь, Базар (Тегеранская контора), Барфруш, Бендер-Гяз, Исфahan, Казвин, Мешхед, Пехлеви, Энзели, Решт, Сабзевар, Тебриз, Хамадан, Шираз (Российский государственный архив экономики: Путеводитель. I. Краткий справочник фондов. М., 1994. Русско-Иранский банк и его отделения. 1923–1935. URL: <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?bid=102&sid=256647>). Разница с Учетно-ссудным банком Персии: у Русперсбанка – Баболь и Шираз, у Учетно-ссудного банка Персии – агентства в Бирдженде, Кашане и Урмии (Акционерно-паевые предприятия России. М., 1913. С. 479).

⁹³ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 98. Л. 7, 23.

⁹⁴ Там же. Л. 2, 7, 24.

⁹⁵ Там же. Л. 15.

⁹⁶ Там же. Л. 2.

⁹⁷ Там же. Л. 15.

⁹⁸ Там же. Л. 60 об.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. Л. 8, 9, 48.

¹⁰¹ Там же. Л. 8, 21.

¹⁰² Там же. Л. 11.

¹⁰³ Там же. Л. 58–60 об.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Л. 56–59.

¹⁰⁶ Внешэкономбанк... С. 69.

¹⁰⁷ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 77. Л. 29–30.

¹⁰⁸ Финансово-кредитный словарь. 2-е изд., стер. Т. 3: Р-Я. М.: Финансы и статистика, 1994. С. 159.

¹⁰⁹ Блюм А. А. История кредитных учреждений и современное состояние кредитной системы в СССР. М., 1929. С. 205–206.

История экономики зарубежных стран